

ВИТАЛИЙ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОМНИЛ ЗАВТРА

14:17

Виталий Королев

Человек который помнил завтра

«Автор»

2026

Королев В.

Человек который помнил завтра / В. Королев — «Автор», 2026

В 14:17 на городском перекрёстке должна погибнуть женщина. Антон знает это не потому, что видит будущее, — он вспоминает её смерть так же отчётливо, как события вчерашнего дня. Ему удаётся предотвратить аварию, но прежнее воспоминание не исчезает. Вскоре Антон начинает помнить пожары, катастрофы и судьбы незнакомых людей, а каждое вмешательство создаёт новую версию завтрашнего дня. Его способность превращается в систему «Атлас», и целый город постепенно разучивается принимать решения без подсказки из будущего. Но за спасённые жизни Антон расплачивается собственным прошлым. Когда из памяти начинают исчезать мать, любимая женщина и даже его имя, ему предстоит решить, что важнее: мир без случайностей или право человека выбирать будущее, которого никто ещё не помнит.

© Королев В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Королев

Человек который помнил завтра

Человек, который помнил завтра

роман

Часть первая. Завтра уже было

Глава 1

Четырнадцать семнадцать

В четырнадцать семнадцать на перекрёстке возле торгового центра столкнутся две машины, и эта мысль пришла к Антону не как тревожное предчувствие или обрывок слишком яркого сна, а с той спокойной уверенностью, с какой человек вспоминает оставленную дома кружку, вчерашний разговор или давно выученный номер телефона.

Он открыл глаза и несколько секунд смотрел в сероватый потолок спальни, пытаясь понять, откуда взялось это странное знание. За окном уже шумел двор, где кто-то безуспешно пытался завести старую машину, по трубам прошёл знакомый глухой стук, а на тумбочке вибрировал телефон, сообщая, что до будильника оставалось меньше минуты. Всё вокруг выглядело слишком обычным, чтобы в этом утре могло скрываться хоть что-нибудь необычное.

Антон медленно сел, провёл ладонями по лицу и снова подумал о перекрёстке. Перед внутренним взглядом возникла белая Toyota, которая выезжала на жёлтый сигнал, а навстречу ей, слишком рано начав движение, шёл тёмно-синий микроавтобус. Удар казался не особенно сильным, однако Toyota разворачивалась боком, пересекала часть пешеходного перехода и задним крылом сбивала женщину в светлом пальто. У женщины был красный пакет, из которого по мокрому асфальту раскатывались апельсины, а один из них останавливался почти у самого бордюра.

Подробностей было настолько много, что Антон невольно посмотрел на часы. Было 7:11 утра, до четырнадцати семнадцати оставалось больше семи часов, и в этом несоответствии заключалось самое неприятное: воспоминание обладало всеми признаками уже произошедшего события, хотя произойти оно ещё никак не могло.

Он попытался восстановить вчерашний вечер, надеясь обнаружить простое объяснение. После работы Антон действительно заходил в клинику, где уже третью неделю участвовал в исследовании нового метода лечения хронической бессонницы, однако ничего особенно драматичного там не происходило. Ему надели на голову шапочку с электродами, попросили смотреть на спокойные изображения, затем дали выпить безвкусный раствор и уложили в комнате, похожей на дешёвый гостиничный номер. Врач предупреждал о возможной головной боли, ярких снах и кратковременной спутанности после пробуждения, но о воспоминаниях из будущего в информационном листе, разумеется, ничего не говорилось.

Антон поднялся, включил чайник и решил, что причиной всему был сон, который мозг по какой-то причине записал в память не туда, куда следовало. Такое объяснение звучало достаточно убедительно, пока он не подошёл к окну и не увидел во дворе женщину с зелёным зонтом. В тот же момент он почему-то вспомнил, что через несколько секунд зонт вывернет порывом ветра, женщина выругается, придержит его обеими руками и уронит перчатку.

Антон замер у окна, уже не пытаясь придумать объяснение, потому что зелёный зонт вдруг выгнулся наружу, женщина резко схватила за ручку, наклонилась к нему и, судя по движению губ, действительно сказала что-то недоброе. С правой руки сорвалась чёрная перчатка, которая упала на мокрый снег возле припаркованной машины.

Чайник щёлкнул у него за спиной, но Антон ещё некоторое время продолжал стоять у окна, чувствуя, как внутри медленно поднимается холод. Он не любил мистику и не относился

к людям, которые искали знаки в случайностях; наоборот, вся его работа строилась на том, что любая авария, жалоба или тревожный звонок имели конкретную причину, которую можно было найти, записать и передать тому, кто обязан её устранить. Именно поэтому произошедшее раздражало его почти сильнее, чем пугало.

На работу Антон добирался автобусом, и уже на остановке его ждала следующая странность. Он посмотрел на табло, где до прибытия маршрута оставалось четыре минуты, и вдруг с полной уверенностью понял, что автобус задержится на девять. Причём он будто бы помнил, как через пять минут пожилой мужчина рядом недовольно скажет, что электронные табло давно пора выбросить, а девушка в наушниках ответит кому-то по телефону: «Я уже еду, просто пробка».

Автобус появился через тринадцать минут, после чего пожилой мужчина произнёс свою фразу почти дословно, а девушка, даже не заметив Антона, сказала в телефон именно то, что он ожидал услышать. После этого Антон перестал считать происходящее забавной особенностью сна.

Городская служба аварийных обращений занимала два этажа старого административного здания, где коридоры пахли кофе, мокрой одеждой и бумагой из принтеров. Антон работал диспетчером шестой год и давно привык к тому, что половина города вспоминала о существовании коммунальных служб только тогда, когда вода начинала течь с потолка, лифт застревал между этажами или во дворе появлялась яма, способная проглотить колесо автомобиля.

Его сменщица Марина сидела за соседним столом и, едва он снял куртку, подняла глаза от монитора.

— Ты сегодня выглядишь так, будто всю ночь спорил с собственной совестью, — сказала она, протягивая ему распечатку ночных обращений. — Если опять был в вашей лаборатории сна, то я бы на твоём месте потребовала деньги назад.

Антон уже слышал эту фразу — не похожую и не приблизительно такую же, а именно эту, включая интонацию на слове «совесть», поэтому от неожиданности даже не сразу взял лист.

— Что? — спросила Марина. — Я настолько страшно выгляжу?

— Нет, просто задумался.

Он сел за компьютер, стараясь не смотреть на неё, потому что вместе с этим разговором в памяти появилось продолжение: Марина сейчас сделает глоток кофе, потянется за телефоном, заденет кружку локтем, и та упадёт на папку с заявками. Антон повернул голову и увидел кружку у самого края стола.

— Марин, переставь кофе.

— Зачем?

— Ты сейчас его уронишь.

Она усмехнулась, однако кружку всё же придвинула ближе к монитору. Через несколько секунд зазвонил её мобильный, Марина потянулась к нему и локтем прошла точно по тому месту, где только что стояла кружка.

— Очень смешно, — сказала она, хотя улыбка исчезла с её лица. — Ты что, с утра уже за мной следишь?

Антон не ответил, потому что впервые заметил нечто ещё более странное. Он прекрасно помнил, как кофе разлился по серой папке, как Марина вскочила и ругнулась, как коричневая лужа медленно добралась до края стола, но одновременно видел перед собой совершенно сухую папку. Два взаимоисключающих события существовали в его голове с одинаковой убедительностью, только одно принадлежало реальности, а второе почему-то ощущалось прошлым, которое перестало быть прошлым.

До обеда он почти не работал. Входящие звонки шли один за другим, на экране менялись адреса, фамилии и номера заявок, но Антон всё чаще угадывал слова людей прежде, чем они их произносили. Иногда будущее опережало настоящее всего на несколько секунд, иногда на

минуту, а иногда в памяти всплывали обрывки событий, которые должны были произойти значительно позже. Он записывал их в блокнот, пытаясь действовать так, как привык действовать со всеми непонятными вещами: превращать их в список фактов.

В 11:42 позвонит мужчина с улицы Постышева и сообщит о запахе газа в подъезде. В 12:06 Марина пойдёт за кофе и вернётся с двумя стаканами, хотя Антон ничего не просил. В 12:31 начальник отдела выйдет из кабинета и скажет, что совещание переносится на пятницу. В 13:54 на телефон Антона придёт сообщение от клиники с просьбой оценить качество сна по десятибалльной шкале.

Все четыре события произошли почти точно по времени, и к половине второго Антон уже не мог думать ни о чём, кроме перекрёстка.

Он находился в пятнадцати минутах ходьбы от работы, и разумнее всего было бы остаться за столом, дожидаться четырнадцати семнадцати, а затем проверить новости или городские каналы. Если авария действительно произойдёт, у него появится доказательство, которое невозможно списать на совпадение. Именно так поступил бы рассудительный человек, который хочет понять природу происходящего.

Однако в памяти снова возникла женщина в светлом пальто, и теперь Антон увидел её лицо. Она была лет пятидесяти, с короткими тёмными волосами и прозрачными серьгами, похожими на капли. После удара женщина лежала на асфальте странно неподвижно, а возле её руки медленно катился апельсин.

Когда часы показали 13:58, Антон всё-таки поднялся из-за стола, хотя до последнего пытался убедить себя, что разумнее будет остаться на месте.

— Я на обед, — сказал он Марине.

— Ты же только что ел.

— Значит, пойду прогуляюсь.

На улице моросил мелкий дождь, смешанный с остатками снега, поэтому тротуары блестя и отражали вывески магазинов. Антон шёл быстро, несколько раз сверяясь с часами, хотя прекрасно знал, сколько времени осталось. Чем ближе становился перекрёсток, тем сильнее его охватывало нелепое чувство, будто он не идёт к будущему событию, а возвращается на место, где однажды уже был.

В 14:12 он увидел белую Toyota, припаркованную возле магазина через дорогу, и невольно остановился, потому что до этого момента ещё надеялся на ошибку.

До этого момента какая-то часть его всё ещё надеялась, что цепочка совпадений оборвётся, однако автомобиль был именно таким, каким он его помнил: белый кузов, тёмная полоса на правой двери и маленькая наклейка в нижнем углу заднего стекла. Через минуту в машину сел мужчина в серой куртке, завёл двигатель и выехал с парковки.

В 14:15 к переходу подошла женщина в светлом пальто, а в её руке, как и в воспоминании, был красный пакет.

Антон почувствовал не страх, а почти физическое отвращение к неизбежности происходящего. Если он ничего не сделает, через две минуты женщина шагнёт на переход, Toyota войдёт в перекрёсток на жёлтый, а микроавтобус тронется раньше положенного. Всё уже существовало у него в памяти, включая звук удара, крики и апельсины на асфальте.

Женщина посмотрела на светофор и сделала шаг к краю тротуара.

Антон подошёл к ней настолько быстро, что она настороженно отступила.

— Извините, у вас пакет сейчас порвётся, — сказал он первое, что пришло в голову.

Женщина опустила глаза на совершенно целый пакет.

— Что?

— Снизу, кажется, надорван. Лучше проверьте.

Она недоверчиво подняла пакет повыше и начала его осматривать. Антон краем глаза увидел белую Toyota, приближавшуюся к перекрёстку, а с противоположной стороны заметил тёмно-синий микроавтобус.

На светофоре сменился сигнал, Toyota попыталась проскочить перекрёсток, а микроавтобус с противоположной стороны двинулся слишком рано.

Раздался удар, короткий и тяжёлый, после которого белую машину развернуло на мокрой дороге. Она вылетела к переходу и остановилась частично на тротуаре, ударившись задним колесом о бордюр именно там, где женщина должна была находиться несколькими секундами раньше.

Кто-то закричал, водители вокруг начали сигналить, а женщина рядом с Антоном выронила пакет. Красный пластик разошёлся по шву, и несколько апельсинов покатались по асфальту.

Один из апельсинов докатился до самого Антона и остановился возле его ботинка.

Антон смотрел на него, не слыша окружающего шума, потому что в эту минуту произошло нечто гораздо более страшное, чем сама авария. В его памяти женщина всё ещё лежала на дороге, однако поверх этого воспоминания медленно возникало другое: она стояла рядом, прижав ладонь ко рту, и смотрела на искорёженные машины.

Обе версии ощущались одинаково настоящими, хотя Антон уже понимал, что одна из них больше никогда не произойдёт.

— Вы знали, — тихо сказала женщина.

Антон поднял голову.

— Что?

— Вы подошли ко мне именно перед аварией. Вы знали, что машина сюда вылетит.

В её голосе не было обвинения, однако Антон впервые за весь день почувствовал настоящий страх. Он хотел сказать, что это совпадение, что заметил машину, что услышал тормоза или просто оказался рядом, но никакое объяснение не выдерживало даже нескольких секунд размышления.

— Я ничего не знал, — произнёс он наконец и сразу понял, насколько неубедительно это прозвучало.

Женщина продолжала смотреть на него, пока к перекрёстку сбегались люди.

Антон наклонился, поднял апельсин и протянул его ей. В прежнем воспоминании этот апельсин лежал на дороге рядом с неподвижной рукой, а теперь женщина взяла его, пробормотала благодарность и прижала к груди вместе с уцелевшей частью пакета.

Возвращаясь на работу, Антон впервые попытался сделать то, что прежде казалось бессмысленным: вспомнить завтрашний день.

Он не закрыл глаза и не напрягся, потому что довольно быстро понял, что способность не подчиняется усилию. Воспоминания приходили сами, когда настоящее касалось чего-то, что уже существовало в будущем. Он посмотрел на витрину кофейни и вспомнил, как завтра утром купит там кофе. Увидел автобус и вспомнил, что вечером тот сломается возле площади. Подумал о Марине и увидел её за рабочим столом на следующий день, сердито разговаривающую с кем-то по телефону.

Затем в памяти внезапно возникло лицо незнакомого мальчика.

Ребёнок стоял в тёмном подъезде и плакал, закрывая ладонью рот. Вокруг был густой дым, где-то внизу кричали люди, а металлическая дверь квартиры дрожала от ударов с другой стороны.

Антон остановился посреди тротуара.

В памяти появились красные цифры электронных часов — 02:43, а следом, будто кто-то подписал этот страшный эпизод, возникла дата: послезавтра.

Глава 2

Комната без окон

После аварии Антон почти час просидел перед монитором, делая вид, что разбирает обращения, хотя на самом деле снова и снова возвращался к воспоминанию о мальчике в задымлённом подъезде. В отличие от утренних эпизодов, где он видел множество мелких деталей, здесь всё было размыто, будто память относилась к событию, произошедшему слишком давно или пережитому в состоянии сильного страха.

Он помнил тёмную лестничную площадку, красный свет аварийной лампы и металлическую дверь, за которой кто-то кричал. Мальчику было около восьми лет, на нём была синяя футболка с изображением ракеты, а на правой щеке темнела полоска сажи. В какой-то момент ребёнок поворачивал голову, и Антон видел номер квартиры — сорок семь. Этого было слишком мало, чтобы определить адрес, однако достаточно, чтобы не позволить себе забыть увиденное.

Марина несколько раз пыталась завести разговор об аварии, потому что уже нашла фотографии в городском канале и заметила, что время полностью совпало с моментом, когда Антон неожиданно ушёл на прогулку. Он отвечал уклончиво, а потом сослался на головную боль и попросил отпустить его на час раньше. Обычно начальник не любил подобных просьб, но в этот день даже не стал спорить: Антон и действительно выглядел так, будто провёл смену с высокой температурой.

Вместо дома он поехал в исследовательский центр.

Клиника занимала новое стеклянное здание на окраине, где всё было устроено с той подчёркнутой аккуратностью, которая должна внушать пациентам доверие: светлые стены, бесшумные двери, одинаковые растения в одинаковых горшках и стойка регистрации, за которой всегда сидели люди в безупречно белой одежде. Формально Антон не был пациентом, потому что участвовал в исследовании как доброволец, однако за три недели он успел пройти больше обследований, чем за предыдущие десять лет.

Исследование называлось «Синхронизация фаз сна при устойчивой инсомнии», и уже одно это название казалось Антону достаточно серьёзным, чтобы не задавать лишних вопросов. Он пришёл туда после того, как увидел объявление в социальной сети: участникам обещали бесплатное обследование, компенсацию и, если повезёт, улучшение сна. Последние несколько лет Антон спал плохо, часто просыпался среди ночи и потом часами смотрел в потолок, поэтому предложение показалось ему разумным.

На регистрации сообщили, что руководитель его группы доктор Савин ещё принимает пациента, и предложили подождать. Антон сел у окна, открыл телефон и нашёл новость об аварии. В заметке говорилось, что двое водителей получили лёгкие травмы, пешеходы не пострадали, а причиной, по предварительным данным, стало нарушение сигналов светофора обоими участниками движения.

Фотография заставила его задержать дыхание. Белая Toyota стояла поперёк перехода, рядом лежал красный пакет, а возле полицейской машины разговаривала женщина в светлом пальто. Всё было почти таким, каким он помнил, и одновременно совершенно другим.

— Антон Сергеевич?

Он поднял глаза. Доктор Савин стоял возле двери и смотрел на него внимательнее обычного.

Савину было около сорока пяти, он носил тонкие очки и разговаривал очень спокойно, будто заранее предполагал, что любой собеседник может оказаться раздражён или напуган. За время исследования Антон ни разу не видел, чтобы врач повышал голос, торопился или хотя бы заметно удивлялся.

— У вас сегодня не было приёма, — сказал Савин, пропуская его в кабинет. — Что-то произошло после вчерашней процедуры?

Антон сел напротив стола и впервые задумался, как именно сформулировать происходящее, чтобы его не направили к психиатру раньше, чем он успеет договорить.

— Вы предупреждали, что могут быть необычные сны.

— Да, особенно после стимуляции третьего цикла. Они иногда становятся очень яркими, но обычно это проходит за два-три дня.

— А если человек не уверен, что это были сны?

Савин не улыбнулся, хотя вопрос позволял это сделать.

— Тогда я попрошу человека рассказать подробнее.

Антон начал с зелёного зонта, потом рассказал про автобус и кружку Марины, а до аварии добрался только после того, как врач несколько раз попросил не сокращать детали. Чем дольше он говорил, тем нелепее всё звучало, однако Савин не перебивал и лишь время от времени делал пометки в электронной карте.

Когда Антон закончил, врач снял очки и несколько секунд протирал стекло салфеткой.

— Вы когда-нибудь испытывали выраженное дежавю?

— Как все люди, наверное. Иногда кажется, что уже видел место или слышал разговор, но там нет конкретного времени, номера машины и человека, которого через несколько часов действительно чуть не сбивает автомобиль.

— Я не пытаюсь обесценить ваш опыт. Мне нужно понять, как он устроен.

Савин попросил описать разницу между предчувствием и воспоминанием, и Антон неожиданно обнаружил, что может объяснить её очень точно. Предчувствие предполагает сомнение, потому что человек ожидает возможного события, тогда как воспоминание сомнения не оставляет. Если утром он вспоминал вчерашний ужин, ему не требовалось доказывать самому себе, что ужин действительно был; точно так же он теперь помнил события, которые ещё не наступили.

— Есть ли у вас такое воспоминание прямо сейчас? — спросил Савин.

Антон посмотрел на стол врача. Рядом с клавиатурой лежала металлическая ручка, и в тот же момент в памяти появился короткий эпизод: Савин берёт эту ручку, дважды нажимает кнопку, замечает, что она не пишет, и кладёт обратно.

— Через минуту или две вы возьмёте ручку, — сказал Антон. — Попытайтесь сделать запись, нажмёте на кнопку два раза, но она не будет писать.

Врач посмотрел на ручку и впервые за весь разговор слегка нахмурился.

— А если я не стану её брать?

— Тогда, наверное, всё изменится.

— Наверное?

— Сегодня я уже изменил одно событие. Я всё ещё помню его первоначальную версию, хотя её не произошло.

Савин отодвинул ручку на другой край стола и сложил руки перед собой. Прошла минута, затем вторая, после чего врач неожиданно рассмеялся, но в этом смехе не было веселья.

— Интересный способ поставить экспериментатора в положение испытуемого.

— Я не шучу.

— Я вижу.

Через несколько минут в кабинет вошла медсестра и принесла результаты анализа. Савин взял лист, машинально потянулся к тому месту, где обычно лежала ручка, не нашёл её, перевёл взгляд на другой край стола и остановил руку.

Антон заметил, как изменилось его лицо.

— Вы хотели её взять, — сказал он.

— Да.

— И теперь не взяли.

— Да.

Некоторое время они молчали, и Антон впервые почувствовал облегчение. Ему не стало понятнее, что с ним происходит, зато теперь существовал второй человек, который видел хотя бы часть происходящего и не мог полностью списать её на фантазию.

Савин закрыл дверь кабинета на замок и попросил Антона ещё раз подробно рассказать о вчерашней процедуре. Сам Антон помнил её довольно плохо: после подключения датчиков ему дали препарат, который должен был сократить время входа в глубокую фазу сна, затем несколько раз будили и снова укладывали. В какой-то момент он видел яркую вспышку, хотя глаза были закрыты, а после пробуждения чувствовал необычную ясность, словно проспал не шесть часов, а целые сутки.

— Вчера у нас был другой протокол стимуляции, — признал Савин. — Его уже применяли на шести участниках, и никаких серьёзных побочных эффектов не возникало. Мы синхронизировали стимулы с моментом перехода между фазами сна, потому что предполагаем, что так можно усилить консолидацию памяти и уменьшить количество ночных пробуждений.

— То есть вы улучшали память?

— Не совсем. Сон участвует в обработке и закреплении памяти, но мы не пытались сделать её сверхъестественной. Даже теоретически процедура не должна давать ничего похожего на то, что вы описываете.

— А препарат?

Савин помолчал чуть дольше, чем требовал простой вопрос.

— Препарат экспериментальный, но прошёл необходимые стадии безопасности. Он влияет на определённые рецепторы, связанные с пластичностью нейронных связей, и используется только в очень малой дозировке.

— Кто его производит?

— Это не имеет отношения к вашему состоянию, по крайней мере пока у нас нет оснований так считать.

Антон заметил уклончивость, однако не стал спорить. Вместо этого рассказал о мальчике в дыму и назвал дату, которую помнил. Савин записал номер квартиры, время и все доступные детали, после чего предложил провести обследование немедленно.

Следующие два часа Антон провёл в комнате без окон, где ему делали томографию, снимали электрическую активность мозга, показывали карточки с изображениями и просили повторять последовательности чисел. Никаких необычных результатов врачи ему не сообщили. Память на прошлое оставалась обычной, реакции соответствовали норме, показатели крови почти не отличались от предыдущих.

Самое интересное началось, когда Савин решил проверить будущие воспоминания систематически.

Он попросил ассистента составить двадцать закрытых конвертов с простыми действиями, которые должны были выполняться в случайное время в течение следующего часа. Антон не знал содержания заданий, однако иногда, глядя на человека, неожиданно вспоминал, что тот сделает. В нескольких случаях он ошибся, но затем выяснялось, что ошибки возникали именно тогда, когда Савин сознательно менял решение после того, как слышал прогноз.

Это наблюдение беспокоило врача сильнее всего.

— Если допустить, что вы каким-то образом получаете информацию о будущих событиях, то она не фиксирована, — сказал Савин, когда испытание закончилось. — Вы видите вариант, который существовал бы без вашего вмешательства, но само знание становится частью причинной цепочки и способно эту цепочку изменить.

— Получается, будущее можно переписывать?

— Я бы пока не использовал слово «будущее». Мы даже не доказали, что источник ваших образов находится впереди во времени.

— Откуда ещё можно помнить то, чего не было?

— Именно это я и хочу выяснить.

Перед уходом Савин попросил Антона никому не рассказывать о происходящем и особенно не связывать его с исследованием. Формально он объяснил просьбу необходимостью исключить внешнее влияние на эксперимент, однако Антону показалось, что врач опасается не только испорченных данных.

— Если воспоминания станут длиннее, появятся провалы в памяти, судороги, потеря ориентации или любые необычные симптомы, звоните мне сразу, независимо от времени, — сказал Савин. — И ещё одно: не пытайтесь намеренно вызывать эти состояния бессонницей или какими-либо препаратами. Мы пока не понимаем механизм, а значит, не понимаем и риски.

Антон уже собирался выйти, когда вдруг вспомнил, как Савин стоит в этом же кабинете завтра вечером и разговаривает по телефону. Врач будет раздражён, что совершенно на него не похоже, и несколько раз повторит одну и ту же фамилию.

В памяти отчётливо прозвучала фамилия Воронцова, и Антон остановился у двери, прежде чем успел выйти.

— Кто такой Воронцов?

Савин побледнел настолько заметно, что ответ перестал иметь значение ещё до того, как прозвучал.

— Откуда вы знаете эту фамилию?

— Завтра вы будете говорить с ним по телефону.

— Вы уверены?

— Я помню этот разговор, хотя не слышу второго человека. Вы скажете: «Воронцов, мы договаривались, что третью фазу пока не запускаем». Потом скажете, что один из участников показал аномальную реакцию.

Савин медленно снял очки.

— Антон, сегодня вы ни с кем больше не обсуждаете то, что произошло. Даже с близкими.

— Почему?

Врач посмотрел на закрытую дверь, словно впервые задумался, достаточно ли она толстая.

— Потому что Воронцов не должен узнать о вас завтра.

Глава 3

То, чего ещё нет

Домой Антон вернулся около десяти вечера и впервые за много лет пожалел, что живёт один. Обычно тишина квартиры казалась ему преимуществом: после смены, заполненной головами незнакомых людей, было приятно закрыть дверь и несколько часов никому ничего не объяснять. Теперь та же тишина заставляла прислушиваться к каждому звуку и слишком внимательно следить за собственными мыслями.

Он разогрел ужин, включил телевизор без звука и положил перед собой блокнот, куда днём записывал будущие события. После разговора с Савиным записи перестали казаться глупостью, поэтому Антон решил продолжить их более аккуратно. На первой странице он написал дату, затем разделил лист на три колонки: «что вспомнил», «когда должно произойти» и «что произошло на самом деле».

Первой строкой стала авария. В последней колонке Антон записал, что женщина не пострадала, хотя первоначально он помнил другой исход. Затем добавил кружку Марины, автобус и несколько разговоров, после чего долго смотрел на следующую пустую строку.

Мальчик. Квартира 47. 02:43. Послезавтра.

Антон записал всё, что помнил, и попытался восстановить детали. На двери подъезда, кажется, была синяя табличка. Стены возле лестницы окрашены в бледно-зелёный цвет. Где-то внизу висел плакат с крупной белой надписью, но разобрать слова он не мог. Воспоминание заканчивалось раньше, чем становилось понятно, что произошло с ребёнком.

Он открыл городскую карту и почувствовал бессилие. Квартиры с номером сорок семь существовали в тысячах домов, а определить адрес по цвету стен было невозможно. Можно было позвонить в пожарную службу, однако сообщение о пожаре, который случится через два дня неизвестно где, вряд ли вызвало бы полезную реакцию.

Антон уже собирался закрыть ноутбук, когда на экране появилось рекламное изображение новой жилой высотки. В памяти ничего не возникло. Он открыл фотографии другого дома, затем третьего, четвёртого, постепенно превращая поиски в странную игру на узнавание. Через двадцать минут стало ясно, что способность работает не так просто: фотографии мест сами по себе не вызвали воспоминаний, если он не имел с ними будущей связи.

Телефон завибрировал. Писала сестра, которая жила в другом городе и иногда звонила поздно вечером, когда укладывала дочь спать. Антон посмотрел на её имя и внезапно вспомнил начало завтрашнего разговора: сестра пожалуется, что племянница разбила планшет, потом спросит, приедет ли он летом, а в конце скажет, что мать снова собирается продать дачу.

Антон не ответил на сообщение, хотя обычно перезванивал сестре почти сразу.

Впервые за день способность коснулась человека, которого Антон любил, и это оказалось неприятнее, чем любые аварии. В чужих событиях знание будущего воспринималось как странный инструмент, но рядом с близкими оно становилось вторжением. Если он заранее знает, что скажет сестра, остаётся ли разговор настоящим? Если увидит будущую ссору, сможет ли разговаривать до неё так, будто ничего не произошло? Если однажды вспомнит чью-то смерть, сумеет ли после этого смотреть этому человеку в глаза?

Антон закрыл блокнот и отправился спать, хотя заранее знал, что заснуть не получится.

Однако на этот раз он ошибся: сон пришёл почти мгновенно, глубокий и тяжёлый, без привычных ночных пробуждений. Когда утром сработал будильник, Антон открыл глаза с ощущением, что провёл во сне очень долго, а затем понял, что в его памяти появилось огромное количество событий, которых вчера там не было.

Он помнил сегодняшний день почти целиком — не каждую минуту и не каждое движение, а отдельные участки, соединённые между собой так же, как воспоминания об обычном прошлом. Он знал, что Марина придёт на работу в красном свитере, что в 10:24 отключится один из серверов, из-за чего диспетчеры около двадцати минут будут принимать заявки вручную, а в 12:10 начальник отдела принесёт коробку конфет в честь дня рождения, о котором никто не помнил.

Однако главное из новых воспоминаний относилось к вечеру и почему-то казалось особенно важным.

Антон видел себя возле исследовательского центра. Шёл дождь, у входа стояла чёрная машина, а через стеклянные двери выходил доктор Савин вместе с высоким мужчиной в тёмном пальто. Антон не видел лица мужчины, но почему-то знал, что это Воронцов.

Событие обрывалось в тот момент, когда Воронцов поворачивал голову в его сторону.

Антон сел на кровати и посмотрел на часы. До этого вечера оставалось около двенадцати часов, и теперь он впервые понял ещё одну особенность происходящего: дальность воспоминаний увеличивалась. Вчера утром самые отчётливые эпизоды касались нескольких часов вперёд, затем возник пожар через двое суток, а теперь сегодняшний день лежал в памяти почти как уже прожитый.

По дороге на работу он решил проверить границы способности. Антон специально сел в незнакомый автобус и вышел на две остановки раньше, чем обычно, рассчитывая тем самым изменить последовательность событий. Несколько знакомых будущих воспоминаний почти

сразу стали расплываться. В прежней версии утра он покупал кофе в маленьком киоске возле офиса, но теперь оказался на другой улице и уже не мог вспомнить вкус этого кофе с прежней ясностью.

Его особенно заинтересовало ощущение исчезающего будущего. Воспоминание не стиралось мгновенно, а постепенно становилось похожим на рассказ, услышанный от другого человека: Антон всё ещё знал, что событие должно было произойти, однако терял его запахи, звуки и эмоциональную достоверность. При этом новая версия иногда появлялась почти сразу, словно память перестраивалась вслед за решениями.

На работе Марина действительно оказалась в красном свитере, как Антон и помнил с самого утра.

— Ты вчера убежал после аварии и даже не написал, — сказала она. — Я уже решила, что тебя там полиция забрала.

Антон помнил этот разговор и заранее знал, что через несколько секунд она спросит, видел ли он сам момент столкновения. Желание проверить возможность изменения оказалось сильнее осторожности.

— Марин, у тебя когда-нибудь было ощущение, что разговор уже происходил?

Она задумалась.

— Дежавю?

— Нет, когда ты заранее знаешь, что человек сейчас скажет.

— Если речь про нашего начальника, то это не сверхспособность. Он последние четыре года говорит одно и то же.

В его памяти первоначальная версия разговора дрогнула, потому что такого ответа раньше не было. Антон почувствовал почти детский восторг. Одного неожиданного вопроса оказалось достаточно, чтобы ближайшее будущее начало меняться.

— Я серьёзно.

Марина посмотрела внимательнее.

— После вчерашнего я уже не уверена, что хочу знать, почему ты спрашиваешь.

В 10:24 сервер отключился, как и ожидалось. В 12:10 начальник принёс конфеты, а в 13:03 позвонила сестра и рассказала о разбитом планшете. Чем больше событий подтверждалось, тем меньше Антон мог притворяться, что происходящее временно или случайно.

После обеда он начал использовать рабочую систему для поисков пожара.

Служба хранила архив обращений по домам, поэтому Антон пытался найти здания, где в последние месяцы поступали жалобы на запах газа, неисправную проводку или заблокированные эвакуационные выходы. Квартиру сорок семь он добавил как условие лишь мысленно, потому что в базе номер конкретного помещения появлялся далеко не всегда.

Через полчаса перед Антоном уже лежал список из более чем двухсот адресов, и от его размера становилось только хуже.

Антон открыл первую карточку, затем вторую, третью, и почти сразу понял, что делает это неправильно. Воспоминание мальчика не реагировало на строки базы, потому что они оставались для него абстрактными адресами. Тогда он стал открывать фотографии домов на карте.

Когда Антон дошёл до тридцать седьмого адреса, внутри неожиданно возникло знакомое ощущение, и поиск перестал быть механическим.

Это была девятиэтажка на улице Демьяна Бедного, построенная в конце восьмидесятых. Антон увидел фотографию подъезда и ощутил короткий толчок узнавания, похожий на момент, когда случайно встречаешь человека, которого давно не видел и ещё не успел вспомнить по имени.

Антон увеличил изображение и увидел над дверью синюю табличку, которая сразу отождествилась в памяти знакомой деталью.

Антон закрыл глаза, и воспоминание о дыме стало ярче. Теперь он видел лестничную площадку немного ниже, различал разбитое окно и слышал мужской голос, который кричал кому-то не открывать дверь. На стене действительно висел плакат, а рядом с ним находилась металлическая доска объявлений.

Он открыл карточку дома. За последний месяц оттуда поступило три обращения по электричеству и одно по запаху газа, однако аварийная служба ничего опасного не обнаружила.

Антон почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.

В доме было четыре подъезда. Квартира сорок семь находилась во втором.

Он нашёл схему нумерации этажей и понял, что квартира располагалась на шестом этаже.

Воспоминание сразу изменилось, словно полученная информация открыла дополнительную дверь. Антон увидел цифру «6» на стене, затем мальчика, который сидел возле лестницы и кашлял. Теперь в памяти появился ещё один звук — несколько коротких ударов, а потом женский голос.

«Миша!»

Имя возникло настолько отчётливо, что Антон записал его в блокнот.

Он не знал фамилии ребёнка и не мог быть уверен, что адрес выбран правильно, однако впервые получил хотя бы конкретную точку. До пожара оставалось меньше полутора суток.

Вечером Антон поехал к дому сам.

Он объяснял себе, что просто хочет проверить подъезд, однако на самом деле надеялся увидеть мальчика и окончательно подтвердить догадку. Дом выглядел совершенно обычным: дети катались возле парковки на велосипедах, у подъезда разговаривали две женщины, из открытого окна первого этажа пахло жареным луком. Ничто не предвещало катастрофы.

Антон вошёл во второй подъезд и поднялся на шестой этаж.

Стены оказались именно того бледно-зелёного оттенка, который сохранялся в его будущем воспоминании.

На площадке висела металлическая доска объявлений, а рядом старый плакат предупреждал о правилах обращения с бытовым газом. Даже расположение дверей совпадало с воспоминанием.

Квартира сорок семь находилась справа, и это совпадение окончательно лишило Антона надежды, что он выбрал другой дом.

Антон несколько секунд стоял перед ней, придумывая причину, по которой незнакомый мужчина может постучать вечером в чужую квартиру, и в конце концов решил, что никакой убедительной причины не существует. Он уже собирался уйти, когда дверь открылась.

На площадку вышел мальчик лет восьми в синей футболке с ракетой.

Антон узнал мальчика мгновенно, потому что видел это лицо слишком отчётливо, хотя в настоящем они встречались впервые.

Ребёнок посмотрел на незнакомца и остановился.

— Вы к папе?

Антон не сразу смог ответить.

— Тебя Миша зовут?

Мальчик нахмурился.

— Да.

Из квартиры донёсся женский голос:

— Миш, ты чего там?

— Тут мужчина какой-то.

Антон понял, насколько подозрительно всё выглядит, и отступил на шаг.

— Извините, этажом ошибся, — сказал он громче, чтобы его услышали внутри. — Мне нужна сорок первая.

Миша пожал плечами и побежал вниз. Дверь квартиры закрылась.

Антон остался на площадке, чувствуя одновременно облегчение и ужас. Теперь сомнений не было: завтра ночью здесь произойдёт пожар, и мальчик окажется в дыму именно там, где стоял несколько секунд назад.

По дороге вниз Антон внимательно осматривал лестницу и заметил на четвёртом этаже электрический щиток с неплотно закрывающейся дверцей. Внутри пахло нагретой изоляцией, хотя определить, нормально это или нет, он не мог. Он сфотографировал щиток и уже собирался звонить в аварийную службу, когда память внезапно ударила настолько сильно, что пришлось схватиться за перила.

Перед глазами возник завтрашний вечер.

Он увидел этот же подъезд, только возле дома стояли пожарные машины. Вокруг собирались люди, женщина кричала имя Миши, а один из пожарных держал Антона за плечо и что-то ему говорил.

Затем воспоминание перескочило дальше.

Антон находился в больничном коридоре. На руках была кровь, хотя он не понимал, чья именно. Доктор Савин сидел напротив, опустив голову, и говорил фразу, которой Антон не мог найти никакого смысла.

— Ты не должен был его спасать.

На этом воспоминание оборвалось, оставив после себя лишь тяжёлую, почти физическую тревогу.

Антон медленно разжал пальцы на перилах.

Внизу хлопнула дверь подъезда, с улицы донёсся смех детей, и несколько секунд он просто стоял между этажами, пытаясь понять услышанное.

Потом телефон в кармане зазвонил.

На экране высветилось имя Савина, и Антон ответил раньше, чем успел решить, что ему говорить.

— Антон, — произнёс врач, едва он ответил, — где вы сейчас?

— Почему спрашиваете?

На другом конце возникла короткая пауза.

— Потому что Воронцов приехал на день раньше.

Глава 4

На день раньше

Савин произнёс фамилию Воронцова так, словно речь шла не о человеке, а о погодном явлении, которое невозможно остановить и остаётся лишь вовремя заметить. В подъезде было прохладно, пахло нагретой изоляцией и жареным луком из квартиры первого этажа, а голос врача в телефоне звучал слишком отчётливо, отчего происходящее казалось ещё менее правдоподобным.

— Что значит «приехал»? — спросил Антон, спускаясь на площадку между четвёртым и третьим этажами. — Он был в другом городе?

— Вы сейчас не в центре?

— Нет.

Ответ прозвучал после короткой паузы, и Савин эту паузу заметил.

— Тогда не приезжайте, — сказал он. — Возвращайтесь домой и никому не открывайте, пока я не позвоню.

— Вы говорите так, будто я украл у вас что-то важное.

— Боюсь, всё наоборот: важное появилось у вас, хотя никто не собирался вам этого давать.

Савин отключился раньше, чем Антон успел задать следующий вопрос. Некоторое время он стоял, глядя на тёмный экран телефона, а потом снова посмотрел на щиток. Запах был сла-

бым и мог оказаться обычным запахом старой проводки, которую давно следовало заменить, однако теперь Антон не доверял слову «обычный». Он сфотографировал номер дома, дверцу щитка и потемневший участок пластиковой изоляции, после чего через рабочее приложение создал аварийную заявку, указав, что запах усиливается и жильцы опасаются короткого замыкания.

На улице уже стемнело, и в окнах девятиэтажки один за другим зажигался жёлтый свет. Антон отошёл к детской площадке, где Миша вместе с двумя мальчиками запускал пластиковую ракету на резинке. Игрушка взлетала всего на несколько метров, каждый раз отклонялась в сторону и падала в мокрый песок, однако дети относились к неудачам с серьёзностью инженеров, которым просто не хватало времени завершить испытания.

Антон посмотрел на Мишу и снова увидел две версии мальчика. В одной тот смеялся, запрокинув голову, и стряхивал с футболки песок; в другой сидел возле лестницы, кашлял и закрывал ладонью рот. Эти образы не сменяли друг друга, а существовали одновременно, будто два прозрачных кадра наложили на один лист. От этого Антону стало трудно дышать, хотя воздух во дворе был холодным и чистым.

Он дождался аварийной бригады, показал электрику фотографии и выслушал раздражённый вопрос о том, почему диспетчер лично находится у дома. Пришлось соврать, что был неподалёку и случайно почувствовал запах. Электрик, пожилой мужчина с красными от холода руками, открыл щиток, посветил фонарём, подтянул несколько контактов и сказал, что немедленной опасности не видит, хотя заявку на обследование стояков передаст.

— До послезавтра точно не загорится? — спросил Антон.

Мужчина посмотрел на него так, как обычно смотрят на человека, требующего гарантию от дождя.

— Молодой человек, здесь половина дома старше вас, и никто не даст вам слова, что проводка доживёт до утра. Но сейчас короткого нет, нагрузка нормальная, автоматы не греются.

Антон поблагодарил его, хотя ответ ничего не решал. Будущее воспоминание не исчезло; наоборот, после осмотра щитка дым в нём сделался гуще, а к голосам добавился треск, похожий на звук ломающихся сухих веток. Значит, либо причина находилась не там, либо вмешательство уже изменило пожар, но не отменило его.

По дороге к остановке он решил, что всё-таки поедет в исследовательский центр. Разумного объяснения этому решению не было, кроме того, что в памяти существовала чёрная машина у стеклянных дверей, и Антон устал узнавать будущее только тогда, когда оно уже подступало вплотную.

Машина стояла именно там, где он её помнил. Дождь собирался на гладкой крыше в крупные капли, а водитель сидел внутри, не включая свет. Через стеклянные двери центра был виден холл, где Савин разговаривал с высоким седым мужчиной в тёмном пальто. Воспоминание заканчивалось поворотом его головы, однако в действительности всё продолжилось.

Мужчина увидел Антона, сказал что-то Савину и вышел на улицу. Он двигался неторопливо, но в этой неторопливости чувствовалась привычка к тому, что остальные люди всё равно подождут.

— Антон Сергеевич Орлов? — спросил он.

Антон не удивился тому, что незнакомец знает его имя; за этот день запас удивления почти иссяк.

— А вы Воронцов.

Савин, вышедший следом, остановился под навесом и едва заметно покачал головой, предупреждая Антона молчать. Воронцов проследил за его взглядом и улыбнулся без тепла.

— Павел Андреевич считает, что осторожность способна вернуть события в прежнее состояние, — сказал он. — Это профессиональное заблуждение хорошего врача.

— А ваше профессиональное заблуждение в чём?

— В том, что любое явление можно превратить в работающую систему.

Воронцов был старше Савина примерно на десять лет, но держался так прямо, что возраст угадывался только по коже вокруг глаз и почти белым волосам. Антон видел его впервые и всё же испытывал неприятное узнавание, словно встречал человека, который уже однажды принёс ему плохую новость.

— Сегодня возле торгового центра вы подошли к женщине за несколько секунд до аварии, — продолжил Воронцов. — Вы сказали, что у неё порвался пакет, хотя он был цел. Потом пакет действительно порвался. Женщину зовут Ирина Воронцова.

— Ваша жена?

— Мы давно живём отдельно, но это не отменяет родства и не делает её менее наблюдательной. Она запомнила ваше лицо, а городские камеры подтвердили остальное.

Антон подумал о квартире сорок семь, о Мише и о том, что фамилия мальчика теперь стала очевидной. Совпадение оказалось слишком плотным, почти нарочитым: утром он спас мать, вечером нашёл сына, а отец обоих финансировал исследование, после которого Антон начал помнить будущее.

— Вы приехали из-за аварии? — спросил он.

— Я приехал из-за отклонения в протоколе, а авария объяснила, где искать его причину. Савин шагнул ближе.

— Виктор Петрович, мы договорились, что сначала повторим измерения.

— Мы много о чём договаривались, пока у нас не появился результат.

В памяти Антона что-то дрогнуло. Он уже слышал похожие слова — не сейчас, а завтра, в разговоре Савина по телефону. Только теперь завтрашний разговор стал бледнее, потому что Воронцов приехал раньше и произнёс часть фразы лично. Это изменение сопровождалось короткой болью в виске, словно кто-то стёр запись, слишком сильно надавив на бумагу.

— Какой результат вы ожидали? — спросил Антон.

Воронцов посмотрел на него с выражением внимательного интереса, от которого Антон почувствовал себя не человеком, а редким дефектом материала.

— Не такой быстрый, — ответил он. — И не настолько чистый.

— Значит, вы знали, что нечто подобное возможно.

— Мы знали, что человеческая память сложнее принятой модели. Остальное пока требует проверки.

— У меня есть полтора дня до пожара, в котором может погибнуть ребёнок, и мне не особенно важно, как называется ваша модель.

Савин резко поднял голову, а Воронцов впервые утратил спокойствие.

— Какой ребёнок?

Антон понял, что сказал больше, чем собирался, однако отступить было поздно.

— Миша. Квартира сорок семь. Улица Демьяна Бедного.

Воронцов приблизился настолько, что между ними осталось меньше шага.

— Откуда вы знаете моего сына?

Вопрос прозвучал почти шёпотом, и именно поэтому в нём было больше угрозы, чем в крике.

— Я увидел его там, где ещё не был, — сказал Антон. — А сегодня пришёл по адресу и встретил впервые.

Несколько секунд Воронцов смотрел на него, затем вынул телефон и отошёл к машине. Антон услышал имя Ирины и слова о том, что она должна забрать Мишу из квартиры уже сегодня. В этот момент будущее воспоминание изменилось: мальчик исчез с лестницы, дым стал реже, зато внизу возник женский крик, которого раньше не было.

Антон схватился за висок.

— Что случилось? — Савин подошёл к нему.

— Пожар остался, но теперь там другой человек.

Воронцов обернулся, не опуская телефона.

— Кто?

Антон закрыл глаза, пытаясь рассмотреть распадающийся образ. В дыму мелькнули светлые волосы, ремень фотоаппарата и рука с тонким серебряным кольцом на указательном пальце. Женщина звала Мишу, хотя самого мальчика в подъезде уже не было.

— Я не знаю, — ответил он. — Пока не знаю.

Савин настоял, чтобы Антон прошёл ещё одно обследование, но на этот раз аппаратура показала странное изменение. Во время воспоминаний в глубинных отделах мозга возникали устойчивые ритмы, похожие на те, что обычно появлялись при извлечении давно закреплённого опыта. Разница заключалась лишь в том, что некоторые ритмы начинались за долю секунды до показанного изображения или заданного вопроса.

Воронцов наблюдал за измерениями через стекло и почти не разговаривал. Около полуночи он сообщил, что Ирина с Мишей уехали в гостиницу, потому что квартира показалась ему небезопасной, а утром дом осмотрят специалисты. Будущее воспоминание о мальчике стало почти прозрачным, но пожар по-прежнему существовал.

— Теперь вы довольны? — спросил Савин, когда Воронцов вышел.

— Я буду доволен, когда пойму, почему вижу дым после того, как ребёнка там уже нет.

Савин снял электроды с его висков и долго складывал провода, хотя обычно это делала медсестра.

— Существуют события, которые меняют форму, но сохраняют направление, — сказал он наконец. — В медицине такое случается с симптомами, в физике — с системами, которые возвращаются к устойчивому состоянию. Возможно, вы изменили детали, но не устранили причину.

— Тогда я найду причину.

— Антон, вы не обязаны в одиночку отвечать за всё, что увидели.

— Пока кроме меня этого никто не видел.

Он ушёл из центра под утро. Дождь закончился, улицы стали пустыми и блестящими, а над крышами висел низкий туман, в котором город казался незавершённым макетом самого себя. На остановке сидел серый кот с надорванным ухом. Антон присел рядом и вдруг вспомнил, что через три дня принесёт ему кусок курицы в бумажном пакете.

Это будущее было маленьким, ненужным и удивительно тёплым. Он держался за него всю дорогу домой, потому что в нём никто не кричал и не горел подъезд.

• • •

После встречи с Воронцовым Савин попытался определить, где заканчивается память Антона. Он расставил на столе фотографии знакомых и незнакомых мест, попросил смотреть на каждую по десять секунд и говорить первое, что возникает. Большинство изображений оставались немymi. Будущее не являлось по требованию, словно обладало собственной системой важности.

На фотографии железнодорожной платформы Антон почувствовал запах угля и вспомнил женщину, которая через четыре месяца потеряет там перчатку. На снимке больничного холла увидел себя возле окна, но не понял дату. Изображение моря вызвало дом, печь и босые ноги Леры, хотя Антон ещё не знал, кто она.

— Вы реагируете не на место, а на связь с ним, — сказал Савин. — Чем сильнее будущая эмоция, тем легче извлечение.

— Значит, катастрофы я вижу потому, что они сильнее обычной жизни?

— Вероятно. Но это создаёт искажение. Если память показывает только боль, будущее начинает казаться состоящим из одних бед.

Савин предложил Антону вспомнить спокойный день. Тот сосредоточился на вещах, которые могут случиться без опасности: завтрак, прогулка, книга. Ничего не появилось. Зато стоило подумать о Мише, как вернулся дым.

— Я не вижу край, — сказал Антон. — Событие существует, пока не вмешаюсь, а после вмешательства появляется другое. Где момент, за которым будущее ещё не написано?

Савин взял чистый лист.

— Возможно, он всегда находится здесь.

Врач положил лист перед Антоном и попросил написать любое слово, не обдумывая. Антон вспомнил пять вариантов: «пожар», «Лера», «Воронцов», «завтра», пустую страницу. Он выбрал слово, которого не было ни в одном.

«Апельсин».

Как только чернила коснулись бумаги, возникли новые воспоминания: красный пакет, кухня с Лерой, детская рука. Выбор создал связи, которых секунду назад не существовало.

— Вот край, — сказал Савин. — Не там, где память заканчивается, а в моменте, когда вы способны поступить иначе, чем помнили.

Антон сохранил лист. Позднее слово «апельсин» окажется в центре всей петли, но тогда это был всего лишь первый доказанный поступок, которого не предложило будущее.

Глава 5

Квартира сорок семь

Утром специалисты Воронцова обследовали квартиру, подъезд, газовые трубы и электрические стояки, после чего составили заключение на девяти страницах. В нём было множество измерений, фотографий и осторожных формулировок, однако главная мысль сводилась к тому, что непосредственной угрозы возгорания не обнаружено.

Антон прочитал заключение дважды. Будущее не исчезло.

Ирина с Мишей вернулись домой около полудня, потому что гостиничный номер казался мальчику скучным, а Воронцов, по словам Ирины, всегда умел превращать тревогу в дорогостоящую суету. Антон узнал об этом от самого Воронцова, который позвонил и произнёс новость таким тоном, будто проверял реакцию прибора.

— Вы должны убедить их уехать, — сказал Антон.

— Я пытался, но Ирина не принимает распоряжений уже двенадцать лет.

— Тогда приедьте сами.

— Мой приезд ничего не изменит.

— Ваш сын может погибнуть.

В трубке стало тихо, затем Воронцов ответил, что будет возле дома к полуночи. Антон не поверил ни обещанию, ни спокойствию его голоса.

Весь день он проверял память, глядя на фотографии подъезда. Около трёх часов возникла новая деталь: пожар начинался не в щитке на четвёртом этаже, а где-то выше, потому что дым спускался по лестнице сверху. В 17:20 Антон увидел расплавленный удлинитель и голубоватую вспышку, но не мог понять, в какой квартире это происходило. В 19:03 ему вспомнилась открытая дверь чердака, хотя девятиэтажка не имела жилого чердачного помещения. Будущее распадалось на противоречивые фрагменты, и каждый новый факт скорее увеличивал тревогу, чем приближал к ответу.

После смены Антон приехал на улицу Демьяна Бедного и решил остаться до 02:43. Он сидел в машине аварийной бригады, которую уговорил дежурить возле дома под предлогом повторной жалобы, пил остывший кофе и наблюдал за окнами. В 22:15 в квартире сорок семь погас свет. В 22:40 Ирина вышла на балкон, поговорила по телефону и долго смотрела во двор, пока не заметила Антона.

Через десять минут она спустилась.

Без красного пакета и светлого пальто Ирина выглядела моложе, чем у перехода. На ней была длинная вязаная кофта, волосы она собрала небрежно, а в руках держала тот самый апельсин, который Антон поднял с асфальта.

— Миша сказал, что вчера вы приходили к нашей двери, — произнесла она вместо приветствия. — Потом Виктор сообщил, что сегодня ночью наш дом сгорит. Вы всегда так знакомитесь с людьми?

— Обычно моя работа заканчивается на номере заявки.

— А теперь?

— Теперь я не уверен, где она заканчивается.

Ирина села на скамейку рядом. Некоторое время они смотрели на тёмные окна, и Антон чувствовал запах апельсиновой кожуры, потому что она медленно очищала плод ногтем, отделяя узкие полоски.

— Виктор думает, что вы результат его исследования, — сказала она. — Он вообще любит думать, что всё необычное принадлежит ему, если он вовремя оплатил помещение и оборудование.

— А вы что думаете?

— Что вы испуганы сильнее нас, но всё равно приехали.

Она протянула ему половину апельсина. Антон взял дольку, и в ту же секунду память прояснилась. Он увидел кухню квартиры сорок семь, старый холодильник, удлинитель за тумбой и зарядное устройство, оставленное в розетке. На удлинитель медленно капала вода из тонкой трубы, проходившей в стене. Затем раздался щелчок, погас свет и вспыхнул пластик.

— У вас на кухне течёт труба, — сказал Антон.

Ирина перестала очищать апельсин.

— Какая труба?

— За тумбой, возле удлинителя.

Они поднялись в квартиру. Миша спал в комнате, обняв подушку, а на письменном столе стоял небольшой телескоп, направленный в окно. На кухне ничего не текло. Ирина отодвинула тумбу, показав сухую стену, новый удлинитель и аккуратно собранные провода.

Антон опустил на короточки и коснулся трубы. Металл был холодным. Будущее снова изменилось: вода исчезла, но голубоватая вспышка осталась.

— Здесь всё проверяли утром, — сказала Ирина уже мягче. — Может быть, вы увидели другую квартиру?

Антон хотел согласиться, однако заметил зарядное устройство без телефона. Оно было вставлено в удлинитель, и корпус едва заметно нагрелся.

— Отключите всё до утра.

Ирина выдернула удлинитель из розетки. Воспоминание о вспышке стало бледным, но не исчезло окончательно. Это означало, что будущее снова нашло другой путь.

В 00:30 приехал Воронцов. Он поднялся в квартиру, проверил, спит ли Миша, спорил с Ириной на кухне и требовал, чтобы она немедленно уехала. Антон слышал их голоса из коридора, не разбирая слов. В 01:05 Ирина согласилась отвезти сына к Лере, своей старшей дочери, которая возвращалась ночным поездом со съёмки. Мишу разбудили, одели, и Воронцов повёл его вниз.

Когда мальчик проходил мимо Антона, он остановился и спросил:

— Вы правда умеете помнить завтра?

Воронцов резко посмотрел на Ирину, но она лишь развела руками.

— Иногда, — ответил Антон.

— А я кем буду?

Вопрос оказался неожиданно тяжёлым. Перед Антоном на мгновение возник взрослый мужчина с Мишиными глазами, стоящий в огромном пустом зале перед рядами чёрных шка-

фов. На его груди висел пропуск, но имя прочитать не удалось. Позади горел экран с одной строкой: «ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ УСТАНОВЛЕНА».

— Не знаю, — сказал Антон, и это была первая ложь, которую он произнёс ребёнку ради его спокойствия.

В 01:20 машина Воронцова уехала. Ирина осталась собирать вещи, потому что собиралась утром пожить у дочери несколько дней. Антон настоял, чтобы она тоже спустилась, но Ирина отказалась бросать квартиру из-за предчувствия незнакомого человека. Тогда Антон сел на лестнице возле её двери и решил ждать.

В 02:17 будущее внезапно стало пустым.

Исчез дым, исчезли крики и красные цифры. Антон почувствовал облегчение настолько сильное, что у него задрожали руки. Он решил, что цепочка наконец разорвана: Миши нет, техника отключена, дом проверен, а до назначенного времени оставалось меньше получаса.

В 02:31 хлопнула дверь подъезда.

По лестнице быстро поднималась молодая женщина с дорожной сумкой и фотоаппаратом через плечо. Светлые волосы были собраны в хвост, на указательном пальце блестело тонкое серебряное кольцо. Антон узнал её прежде, чем она поднялась на площадку, потому что видел эту руку в изменившемся воспоминании.

— Вы Антон? — спросила она, переводя дыхание. — Мама написала, что какой-то человек караулит у двери пожар из будущего.

— А вы Лера.

Она замерла.

— Мы знакомы?

Ответить он не успел. В стене за кухней раздался глухой удар, затем погас свет во всём подъезде. Почти одновременно сверху посыпались искры, и воздух наполнился резким запахом горящего пластика.

Антон посмотрел на часы. Было 02:38.

Огонь возник не в квартире сорок семь. Короткое замыкание произошло в кабельном канале между восьмым и девятым этажами, где утренняя проверка не проводилась. Пламя быстро ушло по старой изоляции вниз, а густой дым заполнил лестничную клетку, отрезая верхние этажи. Позже комиссия установит, что причиной стала плохо затянутая соединительная клемма, которая нагревалась несколько месяцев; вмешательство электрика на четвёртом этаже изменило распределение нагрузки и лишь приблизило момент отказа.

Но тогда никто этого не знал.

Антон нажал кнопку вызова пожарных в 02:39, а затем начал стучать в двери. Лера вывела мать, на ходу набирая соседей, чьи номера знала. На шестом этаже люди просыпались медленно, не понимая, почему незнакомец требует спускаться без вещей. Дым уже полз по потолку, и лампы аварийного освещения окрашивали его в тёмно-красный цвет.

В 02:42 Ирина, стоявшая у выхода, вдруг закричала, что Миша вернулся. Оказалось, мальчик вспомнил о телескопе и, пока Воронцов разговаривал с водителем, выскользнул из машины. Он вошёл в подъезд через заднюю дверь за несколько минут до отключения света, поднялся в квартиру и теперь оказался отрезан дымом.

Антон не размышлял о том, имеет ли право подниматься. Будущее вернулось одним ударом: мальчик сидел возле лестницы, кашлял и закрывал рот ладонью. Только теперь Антон видел, что происходит дальше. Если он останется внизу, пожарные найдут Мишу через девять минут, когда остановится сердце. Если поднимется сам, одна из версий заканчивалась большим коридором и кровью на руках, но за этой точкой существовало продолжение.

Миша был жив.

Антон намочил шарф водой из бутылки, закрыл им лицо и вошёл в подъезд. На пятом этаже дым стал таким густым, что пришлось двигаться, держась за перила. Он знал располо-

жение ступеней не потому, что видел их, а потому, что помнил каждый следующий шаг. На шестом этаже кто-то бил изнутри в дверь квартиры сорок семь.

Антон нашёл ручку, обжёг ладонь, распахнул дверь и услышал кашель. Миша сидел в коридоре, прижимая к груди маленький телескоп. Антон поднял его, велел закрыть глаза и понёс вниз. На площадке пятого этажа сверху рухнул кусок пластикового короба, рассёк Антону предплечье и заставил удариться о стену, однако он удержал ребёнка.

Когда они добрались до четвёртого этажа, навстречу уже поднимались пожарные. Один забрал Мишу, другой схватил Антона за плечо и кричал, что нужно немедленно выходить. Эти слова совпали с воспоминанием, которое сопровождало Антона с прошлого вечера, но теперь он знал, чья кровь останется на руках.

Его собственная.

На улице Ирина обняла сына так крепко, что Миша заплакал скорее от испуга, чем от боли. Лера стояла рядом, прижимая ладонь ко рту. Красный свет пожарных машин отражался в объективе её фотоаппарата, а над домом поднимался дым, растворяясь в ночном небе.

В 02:43 Антон посмотрел на часы и понял, что событие произошло точно вовремя, хотя почти все его детали были изменены.

Будущее не исчезло.

Оно уступило.

• • •

Когда пожар потушили, жильцов несколько часов не пускали в дом. Они стояли во дворе в халатах, куртках поверх пижам и чужой обуви. Кто-то обвинял управляющую компанию, кто-то электриков, кто-то Антона, потому что его ранняя заявка казалась доказательством причастности.

Пожилая женщина с восьмого этажа подошла к нему в больнице на следующий день. У неё была перевязана ладонь, обожжённая о дверную ручку.

— Вы знали и не сказали всем, — произнесла она.

— Я не знал причину и точное место.

— Но знали время.

— Да.

— Тогда почему мой кот остался в квартире?

Кота пожарные нашли живым под ванной, но женщина узнала об этом позже. В момент разговора она считала его погибшим, и никакие объяснения Антона не могли уменьшить вину. Он предупредил семью Воронцова, потому что видел Мишу, но не обошёл все квартиры и не рассказал каждому жильцу.

Антон понял: выбор одного лица уже исключил остальные. Память показывала мальчика, поэтому мир сузился до него. Если бы в дыму первым возникла эта женщина, возможно, Миша остался бы без предупреждения.

Через час пожарный принёс кота в переноске. Женщина заплакала, попросила прощения и стала благодарить Антона, хотя спас животное другой человек. Чувства изменились вместе с новостью, но обвинение осталось в памяти Антона таким же настоящим.

Он вернулся к дому через несколько дней. Подъезд пах водой, гарью и свежей штукатуркой. На стенах были чёрные полосы, объявления отклеились, аварийные лампы сняли. На шестом этаже дверь квартиры сорок семь стояла открытой. Ирина разбирала вещи, Лера фотографировала закопчённый коридор, а Миша пытался очистить телескоп.

— Он всё равно показывает звёзды, — сказал мальчик. — Только стекло грязное.

Антон помог снять линзу. На ней остался тонкий след копоти, который не удавалось стереть полностью.

— Можно купить новую, — предложила Ирина.

Миша отказался.

— Эта была в пожаре.

Для ребёнка повреждение стало частью ценности. Антон подумал, что с людьми происходит похожее: спасённая жизнь не возвращается к исходному состоянию, она продолжает нести след события. Будущее можно изменить, но невозможно сделать так, будто опасности никогда не существовало для тех, кто её пережил.

Глава 6

Мальчик с ракетой

В больнице Антону наложили шесть швов и оставили в коридоре ждать рентген, потому что при падении он сильно ударился плечом. Миша находился этажом выше вместе с матерью; врачи говорили, что ребёнок надышался дымом, но серьёзной опасности нет. Эти слова повторяли несколько раз, и каждый раз Ирина кивала так, будто только теперь разрешала себе поверить.

Лера сидела напротив Антона, поставив дорожную сумку между ног. В ярком больничном свете она выглядела уставшей, почти болезненно бледной, однако смотрела прямо и не отводила глаз. Фотоаппарат по-прежнему висел у неё на плече, словно она боялась оставить его даже на минуту.

— Вы знали моё имя, — сказала она. — Там, на лестнице, до того, как мама успела нас познакомиться.

— Ваш отец упоминал дочь.

— Он называл меня Валерией. Лерой меня зовут только близкие и люди, которые хотят быстро ими стать.

Антон улыбнулся, хотя плечо отозвалось болью.

— Тогда считайте, что я услышал от вашей матери.

— Мама говорит, что не называла.

Лера не пыталась поймать его на лжи и не повышала голос; она просто убирала одно объяснение за другим, пока между ними не осталось ничего, кроме невозможного. Антон подумал, что в этом она похожа на отца, но сразу понял различие: Воронцов задавал вопросы, чтобы получить власть над ответом, а Лера — чтобы понять, можно ли рядом с этим ответом оставаться человеком.

— Я видел вас раньше, — признался он.

— Где?

— Там, чего ещё не было.

Она медленно кивнула, будто именно такого ответа и ожидала, после чего посмотрела на перевязанную руку.

— И чем всё закончилось?

В памяти возникла кухня, залитая тёплым утренним светом. Лера стояла босиком возле окна и нарезала хлеб, а на её левой руке было другое кольцо — простое, без камня. Она обернулась к Антону и спросила, не забыл ли он купить апельсины. Это воспоминание было настолько будничным, что пугало сильнее пожара: оно не предупреждало об опасности, а обещало близость, на которую Антон ещё не имел никакого права.

— Не знаю, — ответил он. — Теперь уже не знаю.

В конце коридора появились Савин и Воронцов. Оба приехали почти одновременно, но шли отдельно. Воронцов сразу поднялся к сыну, а Савин сел рядом с Антоном и несколько секунд молча смотрел на бинт.

— Вы всё-таки его спасли, — сказал врач.

Фраза совпала с будущим воспоминанием лишь наполовину. Антон услышал продолжение прежде, чем Савин произнёс его, и почувствовал, как внутри становится холодно.

— Ты не должен был его спасать.

Лера резко повернулась к врачу.

— Что вы сказали?

Савин выглядел так, будто сам не понимал, почему произнёс эти слова. Он снял очки, провёл ладонью по лицу и опустил голос.

— Простите. Это не моё мнение.

— А чьё?

Врач посмотрел на Антона.

— Сегодня ночью, пока вы были в доме, оборудование центра зарегистрировало повторение вчерашнего сигнала. В данных появилась последовательность, которой там не должно быть. Мы сначала приняли её за помеху, но после расшифровки получили несколько слов.

— Каких слов? — спросил Антон.

— «Михаил Воронцов. Не сохранять».

В коридоре зазвонил телефон, медсестра провезла каталку, где-то за стеной заплакал ребёнок. Обычные больничные звуки продолжали существовать, но разговор будто отделился от них прозрачной стеной.

— Вы получили сообщение? — спросила Лера.

— Мы получили структуру, похожую на след памяти, — ответил Савин. — Это не текст в привычном смысле. Мозг Антона реагировал на неё так, словно узнавал давно знакомую фразу, и я... я повторил её прежде, чем успел обдумать.

Антон вспомнил комнату без окон и закрытые конверты. Если его память могла опережать события, почему оборудование не могло зарегистрировать тот же сдвиг? Однако слова о Мише означали не просто наблюдение, а намерение. Кто-то или что-то хотело, чтобы ребёнок погиб.

— Откуда пришёл сигнал?

— Если бы я знал, то не сидел бы сейчас в больничном коридоре и не пытался убедить себя, что ещё способен отличать исследование от безумия.

Лера поднялась.

— Моему брату восемь лет. Если ваша аппаратура считает, что его не следовало спасать, можете разобрать её на детали и выбросить.

— Я не собираюсь причинять ему вред.

— Но мой отец собирается продолжать ваши опыты.

Савин не ответил, и молчание оказалось достаточным подтверждением.

Воронцов вернулся через несколько минут. Он сообщил, что Миша пришёл в себя и спрашивает о телескопе, затем потребовал перевести Антона в частную клинику при исследовательском центре. Антон отказался. Разговор быстро превратился бы в спор, если бы из лифта не вышла Ирина и не сказала бывшему мужу, что тот не имеет права распоряжаться людьми только потому, что боится их потерять.

— Сегодня он спас двух членов твоей семьи, — сказала она. — Сначала меня, потом Мишу. Попробуй хотя бы до утра не превращать благодарность в контракт.

Воронцов посмотрел на Антона, затем на Леру и впервые за всё время показался не руководителем проекта, а человеком, который не успел испугаться вовремя и теперь скрывает это за привычной жёсткостью.

— Хорошо, — произнёс он. — До утра.

Лера осталась, пока Антону не выдали снимок и не разрешили идти домой. На улице рассветало. Ночной пожар уже стал новостью: возле больницы стояли два журналиста, и один из них узнал Леру. Она провела Антона через служебный выход, посадила в такси и назвала водителю его адрес, хотя он ей его не сообщал.

— Мама записала, когда вы оставляли заявку, — объяснила она. — На этот раз никакого будущего.

У подъезда Лера помогла ему застегнуть куртку, потому что рука плохо двигалась. На мгновение они оказались так близко, что Антон почувствовал запах дыма в её волосах и слабый аромат мандаринового шампуня. Будущее воспоминание о кухне снова стало ясным, но теперь к нему добавилась другая версия: пустая квартира, коробки у стены и фотография Леры, лежащая лицом вниз.

Он отступил.

— Что вы увидели? — спросила она.

— Два разных ответа на один вопрос.

— Какой был вопрос?

Антон посмотрел на неё и понял, что не может сказать правду человеку, с которым знаком меньше часа.

— О том, встретимся ли мы ещё.

Лера поправила ремень фотоаппарата.

— Для этого не нужно помнить будущее. Я сама вам позвоню.

Она ушла к машине, а Антон ещё долго стоял у подъезда, пока холод не заставил его подняться домой. Впервые с начала эксперимента он подумал не о том, что случится завтра, а о том, может ли ожидание события испортить его прежде, чем оно произойдёт.

• • •

У Леры дома была маленькая тёмная комната, устроенная в кладовой. Хотя большинство снимков она делала цифровой камерой, некоторые серии снимала на плёнку, потому что медленный процесс заставлял не торопиться с выбором кадра.

Антон пришёл туда через неделю после пожара. Под красной лампой висели фотографии подъезда: дым, пожарные, лицо Ирины, рука Миши на плече спасателя. На одном снимке сам Антон выходил из дома, но изображение оказалось смазанным, и его фигура выглядела почти прозрачной.

— Это случайность выдержки, — сказала Лера. — Но теперь все будут видеть символ.

Она опустила лист в раствор. Белая бумага медленно принимала серые тени, затем появлялись лица. Антон наблюдал и думал, что его память работает наоборот: готовое изображение существовало раньше события и постепенно выцветало после изменения.

— Почему ты не сняла момент, когда меня вынесли? — спросил он.

— Я положила камеру.

— Для фотографа странно.

— Для сестры нормально.

Лера рассказала о семье. Воронцов ушёл, когда Мише было два года. Он не исчез и исправно помогал, но появлялся с охраной, подарками и планами, которые Ирина воспринимала как попытку управлять домом на расстоянии. Лера раньше работала в одном из его фондов, затем уволилась после того, как отец запретил публикацию серии о травмах на предприятии, принадлежавшем партнёрам.

— Он считает, что правда полезна, пока не разрушает систему, — сказала она. — А я думаю, что система, которая держится на скрытой правде, уже разрушена.

Антон посмотрел на смазанную фигуру себя.

— Ты опубликуешь это?

— Нет. Пока снимок принадлежит нашей семье.

— А если будущее показывает, что публикация кого-то спасёт?

Лера вынула фотографию щипцами.

— Тогда ты скажешь мне, что видел, но решение всё равно приму я.

Это было первое ограничение, которое она обозначила, и Антон согласился легко. Позже, когда знание начнёт казаться ему важнее чужого выбора, он будет вспоминать красный свет и фотографию, проявлявшуюся только потому, что Лера позволила ей появиться.

Глава 7

Два прошедших времени

После пожара будущие воспоминания стали приходить чаще, но утратили прежнюю последовательность. Антон мог утром помнить разговор, который произойдёт через неделю, а через час — почувствовать вкус обеда, до которого оставалось двадцать минут. Иногда появлялись события из далёких лет: заснеженная набережная, чужая рука на его плече, детский рисунок дома с двумя солнцами. Они вспыхивали и исчезали, не оставляя даты, поэтому проверить их было невозможно.

Савин настоял на ежедневных обследованиях. В центре выделили отдельную комнату, куда Воронцов запретил входить всем, кроме трёх специалистов. На двери не было номера, окна закрыли плотными шторами, а аппаратуру подключили к автономному хранилищу, чтобы данные не уходили во внутреннюю сеть. Всё это должно было защищать Антона, однако больше напоминало подготовку места, из которого нельзя будет незаметно уйти.

Врач сформулировал первые правила способности.

Будущая память возникала не непрерывно, а в связи с людьми, предметами или решениями, которые имели значение для конкретной версии событий. Чем ближе было событие, тем больше деталей сохранялось. Любое вмешательство создавало новую последовательность, но прежняя не исчезала полностью: её чувственная часть постепенно тускнела, тогда как факт оставался, превращаясь в память о непржитой жизни. После сна диапазон обычно увеличивался. Сильные эмоции делали воспоминания ярче, а попытки вызвать их усилием приводили лишь к головной боли.

— У вас теперь два прошедших времени, — сказал Савин, просматривая записи. — Одно действительно случилось, другое перестало быть будущим, но мозг всё равно хранит его как прошлое.

— А если версий станет сто?

Врач не ответил сразу.

— Тогда нам придётся выяснить, умеет ли человек жить с сотней прошлых.

Антон продолжал работать, хотя Воронцов предлагал оплатить отпуск и поселить его возле центра. В аварийной службе всё оставалось понятным: у каждого звонка был адрес, у каждой заявки — время, у каждого исполнителя — зона ответственности. Марина заметила повязку, увидела новости о пожаре и перестала верить случайным объяснениям, но вопросов не задавала до конца смены.

Когда они остались вдвоём, она поставила перед Антоном кружку и намеренно придвинула её к самому краю стола.

— Упадёт?

Антон посмотрел на кружку. В одной версии Марина заденет её папкой через семь минут, в другой он сейчас переставит её, и кофе останется на столе. Оба исхода были настолько незначительными, что способность показалась почти смешной.

— Если не уберёшь, то да.

Марина переставила кружку и села напротив.

— Я никому не скажу, но хочу знать, схожу с ума я или ты.

Антон рассказал ей только об аварии и пожаре, не упоминая исследование. Марина выслушала, несколько раз задавая практические вопросы: видел ли он номера, может ли предсказывать лотерею, знает ли, кто завтра не выйдет на смену. Её обыденная реакция принесла неожиданное облегчение.

— Значит, ты теперь самый неудобный диспетчер в городе, — сказала она. — Потому что знаешь о заявке раньше заявителя.

— Пока только о некоторых.

— И что будешь делать?

Антон посмотрел на экран, где мигал новый вызов, и понял, что ответа нет. Спасение женщины и Миши казалось очевидным выбором, но уже показало цену вмешательства: авария изменила приезд Воронцова, осмотр проводки приблизил пожар, а отъезд мальчика заставил его вернуться за телескопом. Каждый поступок не отменял цепь, а перенаправлял её, и Антон пока видел лишь ближайшее звено.

Вечером позвонила Лера и предложила встретиться в маленьком кафе возле старого кинотеатра. Она сказала, что хочет вернуть шарф, который пожарные нашли в подъезде, хотя от шарфа осталась обгоревшая мокрая тряпка и возвращать её не имело смысла. Антон понял, что это предлог, но согласился.

Кафе находилось в полуподвальном помещении, где стены были выкрашены в тёмно-синий цвет, а на полках стояли старые будильники. Они показывали разное время и не тикали, потому что владелец вынул механизмы, оставив только стрелки. Лера выбрала столик под часами, остановившимися на 14:17, и Антон некоторое время смотрел на них, не решаясь рассказать о совпадении.

— Я снимаю людей после событий, — сказала Лера, когда принесли чай. — Не сами пожары, аварии или наводнения, а то, что остаётся через день, неделю, месяц. Пустую комнату, в которую человек боится вернуться. Новую чашку на месте разбитой. След от фотографии на стене.

— Почему?

— Потому что событие длится секунды, а жить приходится после него.

Она положила на стол снимок. На фотографии Миша стоял у окна больничной палаты и держал в руках пластиковую ракету, которую кто-то принёс из дома. За стеклом отражалось лицо Ирины, и из-за двойного изображения казалось, что она находится одновременно рядом с сыном и снаружи здания.

— Миша попросил передать вам, — сказала Лера. — Он решил, что вы спасли его, потому что видели эту ракету во сне.

Антон взял фотографию, и память открылась так внезапно, что чайный шум кафе исчез. Он увидел Леру через несколько лет. Она стояла в комнате, где на стене висел этот же снимок, только края бумаги выцвели. На полу лежали детские кубики, из соседней комнаты доносился смех девочки, а сам Антон пытался вспомнить имя человека, сделавшего фотографию.

Потом возникла другая версия. Снимок лежал в коробке, квартира была пуста, а Лера говорила кому-то по телефону, что больше не может жить рядом с человеком, который заранее знает каждое её слово.

— Вы опять там? — спросила она.

Антон вернулся к шуму кофемашины и запаху чая.

— Иногда это занимает секунду, но внутри кажется дольше.

— Вы видели меня?

— Да.

— Мы были знакомы?

Он мог соврать, однако ложь уже существовала в одной из будущих версий и закончилась хуже правды.

— В одном воспоминании мы жили вместе.

Лера не отвела взгляда.

— Насколько вместе?

— На стене висела фотография Миши. В соседней комнате смеялась девочка. На вашей руке было обручальное кольцо.

Лера медленно поставила чашку на блюдце. За соседним столом кто-то перелистывал газету, официант собирал пустые стаканы, а неподвижные часы на стенах показывали десятки разных времён.

— И теперь вы будете ждать, что всё произойдёт именно так? — спросила она.

— Я не знаю.

— Но когда смотрите на меня, видите жену, хотя я пока просто женщина, которую вы встретили ночью в горящем подъезде.

— В другой версии вы уходите от меня.

Лера неожиданно улыбнулась.

— Это немного уравнивает положение.

Она помолчала, затем протянула руку через стол и накрыла пальцами фотографию, которую всё ещё держал Антон.

— Давайте договоримся, — сказала она. — Вы не будете любить меня за то, что когда-то увидели, а я не стану уходить из-за того, чего ещё не сделала. Если между нами что-то случится, пусть хотя бы одна вещь в вашей жизни начнётся в настоящем.

Антон посмотрел на тонкое серебряное кольцо на её указательном пальце. В будущем оно исчезало, уступая место другому, но сейчас принадлежало только этому вечеру, этому столу и женщине, которая не обещала ему ничего, кроме возможности не торопиться.

Когда они вышли из кафе, шёл редкий снег, почти сразу таявший на асфальте. Лера пошла к остановке, а Антон остался у кинотеатра. Он уже помнил, что через минуту она обернётся, но не знал, какая из двух версий станет настоящей: в одной она махнёт рукой, в другой продолжит идти.

Лера дошла до угла, остановилась и посмотрела назад.

Вместо того чтобы махнуть, она вернулась.

— Я подумала, что договор неполный, — сказала она. — Вы тоже имеете право уйти, даже если в одном из ваших завтра остались.

— Хорошо.

— И ещё: завтра я позвоню в семь вечера. Не отвечайте раньше, чем услышите звонок.

Она снова ушла, а Антон впервые намеренно не стал искать в памяти следующий момент. Это потребовало почти физического усилия, однако за усилием пришло странное чувство свободы — небольшое, хрупкое и потому особенно ценное.

В семь вечера следующего дня телефон зазвонил.

Антон дождался второго гудка и только потом ответил.

• • •

На третий день после разговора в кафе Антон вспомнил серого кота с надорванным ухом. Воспоминание было небольшим: он стоит у остановки, разворачивает бумажный пакет и кладёт кусок курицы на край скамейки. Кот подходит не сразу, сначала долго смотрит из-под припаркованной машины, а потом ест, не спуская глаз с человека.

Антон мог не придавать этому значения, однако к вечеру обнаружил себя возле той же остановки с пакетом в руке. Кот сидел у рекламного щита и выглядел так, будто тоже помнил встречу, которой ещё не было.

— Если я тебя сейчас не покормлю, мир заметно изменится? — спросил Антон.

Кот моргнул. Антон положил курицу на скамейку, но животное не подошло. В первоначальном воспоминании он стоял справа, теперь оказался слева; возможно, кота пугала тень или запах. Антон сделал два шага назад, и будущее внутри памяти слегка дрогнуло. Кот всё-таки подошёл.

Лера появилась через несколько минут. Она несла фотоаппарат и два стакана чая, хотя Антон не говорил, где находится. Оказалось, Марина сообщила ей остановку, добавив, что

человек, который способен предвидеть катастрофы, почему-то ушёл с работы ради бездомного кота.

— Это важный кот? — спросила Лера.

— Через несколько дней его заберёт женщина в зелёном пальто.

— Ты видел?

— Нет. Только сейчас придумал.

Лера села рядом. Кот быстро доел, спрыгнул и ушёл к домам, не оглянувшись.

— Тебе полезно иногда придумывать будущее, — сказала она. — Тогда оно хотя бы не выдаёт себя за факт.

Они долго сидели на остановке, наблюдая за людьми. Антон помнил несколько ближайших эпизодов: мужчина в кепке пропустит автобус, потому что будет искать билет; девушка уронит наушник; пожилая женщина спросит, который час. Он не вмешивался. Мелкие события происходили и исчезали, не требуя исправления.

Лера предложила игру. Антон должен был назвать три вещи, которых не помнит заранее. Сначала он растерялся: память возникала быстрее формулировки. Потом заметил, что не знает, какой автобус приедет после следующего, сколько сахара осталось на дне её стакана и куда ушёл кот.

— Видишь, — сказала Лера. — Незвестного пока больше.

— Я не уверен. Просто оно тише.

— Тогда слушай тишину.

Эта фраза осталась с ним. Когда поток будущих событий становился слишком громким, Антон искал вещи без продолжения: случайный узор на стекле, чужую песню из наушников, облако, которое не имело значения. Иногда удавалось прожить несколько минут, не сравнивая их с другой версией.

Через неделю серого кота действительно забрала женщина, но пальто у неё было синее. Антон узнал об этом от продавца киоска. Женщина назвала кота Завтраком, потому что впервые увидела утром.

Лера записала историю в маленький блокнот.

— Зачем? — спросил Антон.

— Чтобы у нас был пример будущего, которое оказалось лучше твоего выдуманного и не нуждалось в предсказании.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тот, кто знает

Глава 8

Женщина из будущего

Лера позвонила ровно в семь, и Антон позволил телефону прозвенеть дважды, хотя заранее помнил не только время звонка, но и первые слова. Она спросит, не занят ли он, потом скажет, что Мишу выписали, а в конце предложит прогуляться по набережной, где после недавней оттепели лёд стал тёмным и блестящим. Антон знал всё это, но старался слушать так, будто между её словами существовало место для неожиданности.

— Ты снова отвечаешь после второго гудка, — заметила Лера.

— Мы договаривались не отвечать раньше звонка, но про количество гудков ничего не говорили.

— Значит, придётся составить приложение к договору.

В её смехе была лёгкая хрипота, которой будущие воспоминания не передавали. Антон вдруг понял, что способность сохраняет события точнее, чем людей: он помнил фразы, одежду, расположение предметов, но голос, запах и едва заметные движения часто становились ясными

только в настоящем. Эта неполнота обнадеживала. Даже увидев разговор заранее, он не получал его целиком.

Они встретились на набережной. Река лежала под рыхлым льдом, возле ограждения стояли рыбаки, а над водой медленно двигался туман, скрывая противоположный берег. Лера принесла два бумажных стакана кофе и один отдала Антону, не спрашивая, какой он любит.

— Без сахара, немного молока, — сказала она. — Мама утверждает, что ты пил такой возле больницы.

— Я уже начал думать, что ты тоже помнишь будущее.

— Я запоминаю прошлое. В обычной жизни этого достаточно.

Они шли медленно, разговаривая о вещах, которые не имели отношения к пожару и исследованию. Лера рассказала, что училась на журналиста, но быстро поняла, что слова позволяют слишком легко сделать событие удобным, поэтому перешла к фотографии. Антон говорил о работе, о странной иерархии городских бед, где затопленный подвал мог вызвать больше ярости, чем человеческая травма, если вода доходила до дорогой машины. Они избегали темы будущего почти час, пока возле детской площадки Антон не остановился.

На пустой качели лежал голубой шарф. В памяти возникла девочка лет шести в жёлтом пальто, которая сидела под бетонным мостом и пыталась не плакать. Вода возле её ботинок медленно поднималась, потому что выше по течению открыли шлюз. Антон знал, что девочку будут искать всю ночь, а утром найдут шарф у площадки и решат, что она ушла к реке в другом направлении.

— Что ты увидел? — спросила Лера.

Он описал девочку, мост и красную надпись на опоре, похожую на неровную букву «К». Лера не стала спрашивать, уверен ли он, а сразу позвонила знакомому фотографу из городского поискового отряда. Через десять минут они уже ехали в машине волонтеров вдоль набережной.

Девочку звали Алина. Она исчезла сорок минут назад, когда мать отвлеклась у киоска. Голубой шарф действительно нашли на качелях, но мостов в городе было больше двадцати, а красные надписи существовали почти на каждой опоре. Антон закрывал глаза и перебирал изображения, которые показывали ему на телефоне. Большинство ничего не вызывало. Возле старого железнодорожного моста он почувствовал запах сырого бетона и услышал далёкий стук колёс, хотя находился в тёплой машине.

— Там, — сказал он.

Под мост спускались по скользкому откосу. Сумерки уже скрыли берег, вода шла между льдинами, и внизу было слышно, как они трутся друг о друга с глухим стеклянным звуком. Алину нашли за опорой, где она пряталась от мужчины с собакой, которого испугалась на дорожке. Девочка сидела на сухом выступе, однако через полчаса вода действительно поднялась бы и отрезала выход.

Когда мать обняла её, Антон отвернулся. В памяти всё ещё существовала ночь поисков, сирены и пустой жёлтый капюшон, показавшийся из воды. Эта версия больше не произойдёт, но горе в ней было настолько настоящим, что он ощущал себя человеком, вернувшим ребёнка из уже случившейся смерти.

Лера сделала только один снимок: мокрые ботинки Алины стояли рядом с обувью матери, и шнурки на обеих парах перепутались. Она не фотографировала лицо Антона и не назвала его волонтерам.

— Почему? — спросил он позднее, когда они снова остались вдвоём.

— Потому что сегодня ты спас девочку, а завтра люди начнут просить тебя выбрать, чью девочку спасти первой.

— Если я могу помочь, разве должен скрываться?

— Помочь одному человеку и стать общественной собственностью — не одно и то же.

Антон понимал её, однако ночью записал в блокнот адрес моста, время, имя Алины и обе версии исхода. Под этой записью он добавил новую колонку: «последствия вмешательства». Пока она оставалась пустой.

Перед сном он вспомнил женщину, стоявшую в пустом вокзальном зале. На электронном табло не было поездов, только дата, до которой оставалось много лет. Женщина держала в руках фотографию мокрых детских ботинок и говорила кому-то невидимому:

— Это был первый раз, когда мы решили, что он обязан спасать всех.

Лицо женщины оставалось в тени, но Антон знал, что это Лера.

• • •

На следующий день после спасения Алины сестра Антона позвонила, как он и помнил. Ольга пожаловалась на разбитый планшет дочери, спросила о лете и сообщила, что мать хочет продать дачу. Антон заранее знал каждую тему и несколько ответов.

В одной версии он перебивал сестру, пытаясь ускорить разговор. В другой заранее сказал, что оплатит ремонт, и Ольга обиделась, потому что хотела не денег, а участия. В третьей Антон не отвечал, испугавшись вторжения будущего.

Он выбрал четвёртый путь: слушал, не подсказывая слова, и задавал вопросы, которых не было в памяти. Спросил, почему племянница бросила рисование, как Ольга спит, чего хочет от дачи сама. Разговор ушёл в сторону. Будущая версия побледнела.

— Ты сегодня какой-то другой, — сказала сестра. — Обычно отвечаешь так, будто уже составил заявку.

— Может быть, учусь разговаривать без номера обращения.

Ольга засмеялась. Потом неожиданно призналась, что хочет развестись, но боится говорить матери. Этого не было ни в одном воспоминании. Антон почувствовал, как неизвестность открывает человека глубже, чем предсказанный набор фраз.

Он не советовал будущий исход и не пытался увидеть, с кем сестра будет счастлива. Просто слушал.

После разговора Антон записал правило: «Если знание не предотвращает прямую опасность, оно не даёт права вмешиваться в личное решение». Правило казалось ясным, но соблюдать его рядом с Лерой будет труднее, чем рядом с сестрой.

В тот же вечер Ольга прислала детский рисунок племянницы. На нём был дом с двумя солнцами. Антон узнал образ из далёкого будущего и понял, что считал его рисунком собственной дочери. Ошибка показала ещё одну особенность: память не всегда правильно связывала событие с человеком. Будущее было точным в деталях и ненадёжным в смысле.

• • •

Через три недели после поисков Алины Лера предложила навестить её семью. Она сказала, что девочка оставила у волонтеров рисунок для человека, который нашёл её под мостом, однако по тому, как Лера отводила взгляд, Антон понял: дело не только в рисунке.

Они приехали в субботу, когда город был залит редким мартовским солнцем, делавшим грязный снег почти голубым. Дом стоял возле трамвайного кольца; на балконах сушилось бельё, во дворе мальчишки били мячом по стене трансформаторной будки, а за тонкими ветвями тополей двигались вагоны, звеневшие на повороте. В памяти Антона этот двор уже существовал в нескольких вариантах, хотя он никогда здесь не бывал. В одном Алина выходила из подъезда в жёлтом пальто, в другом мать держала её за запястье так крепко, что на коже оставались красные следы, в третьем окна квартиры были тёмными, а на двери висело объявление о продаже.

— Не говори им, что будет дальше, — попросила Лера перед подъездом.

— Я и сам не знаю, что именно из этого будет.

— Тогда тем более.

Мать Алины звали Натальей. Она встретила их настороженно, быстро поблагодарила и сразу повернула два замка, хотя день был светлым и на площадке никого не было. В прихожей стояли четыре пары детской обуви одного размера: зимние ботинки, сапоги, кроссовки и домашние туфли с ремешками. На каждом язычке чёрным маркером был написан номер телефона.

Алина сидела на кухне и вырезала из цветной бумаги рыб. Увидев Антона, она не бросилась к нему и не улыбнулась, как это происходило в придуманных сценах благодарности. Девочка долго рассматривала его лицо, затем спросила:

— А вы правда знали, где я?

— Я знал, где нужно искать.

— Мама говорит, вам ангел сказал.

Наталья, ставившая чайник, резко обернулась.

— Я сказала, что это было чудо. Ребёнку так понятнее.

— Под мостом не было ангела, — заметила Алина. — Там только пахло железом.

Антон вспомнил этот запах: холодная вода, ржавая арматура, мокрый бетон. В другой памяти он ощущал его, стоя рядом со спасателями уже ночью, когда поиски переставали быть спасением и превращались в извлечение тела. Он посмотрел на девочку и заставил себя вернуться к кухне, где на клеёнке лежали бумажные рыбы, а чайник начинал гудеть.

Алина протянула рисунок. На нём человек с очень длинными руками вытаскивал из воды жёлтое пятно. Над мостом светили два солнца, одно оранжевое, другое синее.

— Почему два? — спросил Антон.

— Одно было, а второе могло быть.

Лера подняла глаза. Она тоже услышала в детском ответе нечто большее, но не стала расспрашивать.

За чаем Наталья рассказывала о новых правилах. Алина больше не ходила одна даже в соседнюю комнату кружка, телефон должен был лежать в наружном кармане, на куртку пришили яркую ленту, а возле школы мать договорилась с продавцом киоска, чтобы тот смотрел, вошла ли девочка в ворота. Поначалу всё это звучало разумно, однако постепенно Антон заметил, что Алина перестала вырезать рыб и сидит, уставившись в чашку.

— Через неделю класс едет в планетарий, — сказала Наталья. — Мы не поедем.

— Почему? — спросила Лера.

— Автобус, толпа, чужие люди. После того, что случилось, я не могу.

— Алина хочет ехать?

— Она ребёнок. Она не понимает опасности.

Девочка поднялась и ушла в комнату. Дверь закрылась тихо, без хлопка, но в этой осторожности было больше обиды, чем в любом шуме.

Антон увидел ближайшее будущее. Наталья откажется от планетария, затем от летнего лагеря, потом будет встречать дочь после школы до восьмого класса. В одной ветви Алина привыкнет к этому и станет звонить матери перед каждым решением. В другой начнёт лгать и однажды уедет на электричке в соседний город, отключив телефон. Ни в одной версии мать не почувствует себя в безопасности.

Знание толкнуло готовый ответ почти к самым губам, однако Антон вспомнил правило, записанное после разговора с Ольгой. Он не имел права произносить чужую жизнь как заключение врача.

— Под мостом я видел очень испуганную девочку, — сказал он. — Но она не сидела и не ждала. Она забралась выше, когда поднялась вода, нашла сухое место и отвечала на крики. Если бы Алина ничего не понимала, мы могли бы её не успеть найти.

Наталья сжала чашку обеими руками.

— Вы хотите сказать, что я всё делаю неправильно?

— Нет. Я хочу сказать, что спасённый человек не обязан всю жизнь доказывать, что его стоило спасать.

Слова прозвучали слишком уверенно, и Антон сразу почувствовал их опасность. Он опять говорил как тот, кто знает больше остальных. Лера вмешалась прежде, чем Наталья успела закрыться.

— Я могу поехать с классом как фотограф, — предложила она. — Не ради контроля. Я давно хотела снять старый планетарий до ремонта. Если Алина согласится, её мама получит фотографии, но ни одного отчёта о каждом шаге.

Из комнаты донёсся голос:

— Я согласна.

Наталья впервые за весь разговор рассмеялась, хотя смех тут же перешёл в плач. Она прикрыла лицо ладонью и призналась, что каждую ночь просыпается от звука воды, которой в квартире нет. В её памяти происшествие тоже не закончилось, хотя у неё оставалась только одна версия.

Лера не стала фотографировать слёзы. Она убрала камеру в сумку, пересела ближе и спросила, кто помогает Наталье спать, ест ли она сама, когда в последний раз выходила из дома без дочери. Разговор сделался обычным и поэтому важным: в нём не было будущего, только последствия уже случившегося страха.

В планетарий они поехали в пасмурный четверг. Антон не собирался присоединяться, но утром вспомнил, как у автобуса на обратной дороге лопнет шина, и почти позвонил Лере. Потом заставил себя проверить подробности. Автобус стоял у школы, водитель обходил его с монтировкой, шины выглядели новыми. В одной ветви колесо действительно разрывало на пустой улице, машина останавливалась без аварии, а дети потом неделю рассказывали об этом как о приключении. Предупреждать было не о чем.

Он всё же пришёл к планетарию пешком. В круглом зале пахло пылью и нагретой тканью кресел. Когда погас свет, Алина сидела через два ряда от матери. Над куполом зажглись звёзды, затем появилось второе солнце — компьютерная модель далёкой двойной системы. Девочка обернулась и нашла Антона в темноте, словно знала, что он придёт.

Лера фотографировала не небо, а лица детей, освещённые движущимися созвездиями. После сеанса она показала Антону один кадр: Алина смотрела вверх, Наталья — на дочь, но между ними оставалось свободное кресло. Это расстояние было небольшим, однако оно уже существовало.

— Вот что значит спасти? — спросил Антон.

— Нет, — ответила Лера. — Это значит вовремя отойти на одно место. Спасение закончилось под мостом.

На обратной дороге шина лопнула именно там, где Антон помнил. Автобус дёрнулся, дети закричали, водитель плавно прижал машину к обочине. Никто не пострадал. Наталья побледнела, но не бросилась к дочери. Алина сидела у окна и показывала соседке рисунок двойной звезды.

Антон понял, что способность снова предлагала ему вмешаться не ради жизни, а ради отсутствия страха. Если бы он отменил поездку, Наталья получила бы доказательство, что мир действительно нельзя отпускать из рук. Иногда небольшая опасность, пережитая самостоятельно, защищала человека лучше любого предупреждения.

Вечером Лера распечатала фотографию со свободным креслом и положила её в прозрачную папку. На обложке она написала: «После».

— Это новый проект? — спросил Антон.

— Возможно. Я хочу снимать не катастрофы и не героев, а пространство, которое остаётся после того, как худшее не случилось.

— Пустые места?

— Нет. Места, которые снова можно занять.

Она не попросила его стать главным героем серии. Впервые у Леры появилось дело, связанное со способностью Антона, но не подчинённое ей. Это успокоило его сильнее, чем он ожидал.

• • •

На следующий день после планетария Антону позвонила Ольга и попросила больше никогда не рассказывать ей ничего о будущем, даже если речь идёт о ней самой. Её голос звучал спокойно, однако на заднем плане хлопали дверцы шкафов: сестра собирала вещи мужа после разговора о разводе.

— Я тебе ничего не рассказывал.

— Поэтому и звоню. Вчера поймала себя на мысли, что ты, возможно, уже знаешь, разведусь я или нет. Потом весь вечер пыталась угадать по твоим словам.

Антон помнил несколько вариантов её жизни. В одном Ольга уходила, снимала квартиру и через два года возвращалась к мужу. В другом оставалась ради дочери, а потом жалела. Была ветвь, где развод проходил быстро, и ветвь, где семья годами спорила из-за имущества. Ни одна не давала права советовать.

— Хорошо, — сказал он. — Не буду.

— Даже если увидишь, что я совершаю ошибку.

— Ошибка — не авария.

— Для тебя теперь всё авария, если следствие достаточно плохое.

Ольга попросила записать обещание. Антон написал на листе: «Не использовать будущие воспоминания о частной жизни Ольги без непосредственной угрозы жизни», поставил дату и подпись. Сестра прислала фотографию своей подписи, и они соединили листы в один документ.

Через неделю к Ольге приехала журналистка, представившаяся автором материала о необычных совпадениях вокруг аварийной службы. Она знала адрес, имя дочери и историю семейной дачи. Ольга не открыла дверь, но вечером фотография подъезда появилась в сети.

Антон увидел будущий скандал: журналисты у школы племянницы, вопросы матери, кадры старого дома. В одной ветви он выступал с угрозами, и интерес только возрастал. В другой Воронцов добивался удаления публикаций, подтверждая слухи о секретном проекте.

Лера предложила не прятать семью, а обозначить границу публично. Они записали короткое обращение. Антон не подтверждал способность и не опровергал, а говорил о людях, которые не давали согласия становиться частью истории.

— Любая информация о моих родственниках, полученная без их разрешения, не приближает вас к будущему, — сказал он в камеру. — Она только отнимет у них настоящее.

Ольга настояла, чтобы в конце прозвучал её голос:

— И если мой брат когда-нибудь узнает, что я ошибаюсь, это всё равно моя ошибка.

Видео посмотрели миллионы. Одни уважали просьбу, другие объявили её доказательством, что семья скрывает пророчества. Но журналистка больше не приехала. Редакция сняла материал после жалобы на преследование ребёнка.

Ольга всё же развелась. Антон не спрашивал, какой ветви соответствует решение. Через несколько месяцев сестра сказала, что впервые за долгое время чувствует страх, принадлежащий ей самой.

— Звучит странно, — признала она. — Но чужая уверенность пугала больше.

Антон сохранил их подписанный лист рядом с правилами Леры. Так способность впервые ограничили не техническим протоколом, а согласием человека, который имел право остаться неизвестным даже для собственного брата.

Глава 9

Тридцать девять минут

Через две недели способность Антона впервые вышла за пределы города.

Утро началось с обычной задержки автобуса, разговора Марины о новой кофейне и трёх аварийных заявок, содержание которых Антон помнил ещё с ночи. Около одиннадцати в диспетчерскую пришёл мужчина из подрядной организации, чтобы забрать документы. На шее у него висел пластиковый футляр с посадочным талоном, потому что после встречи он собирался ехать прямо в аэропорт.

Антон случайно посмотрел на номер рейса и увидел огонь.

Память обрушилась не отдельным эпизодом, а длинной последовательностью, где каждая деталь была наполнена чужим страхом. Самолёт поднимался над облаками, в салоне гас свет, справа вспыхивал двигатель, затем раздавался удар, и багажные полки открывались одна за другой. Пассажиры кричали, бортпроводница ползла по наклонённому проходу, а за иллюминатором вращалось серое небо. Последним возникало поле с чёрными полосами земли и тишина, в которой уже не было работающих моторов.

Антон схватился за край стола. На посадочном талоне было написано: рейс 604, вылет в 12:05. До него оставалось тридцать девять минут.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил мужчина.

Антон попросил показать билет, прочитал маршрут и фамилию пассажира, после чего позвонил Савину. Врач выслушал, задал несколько вопросов о самолёте и сказал, что свяжется с Воронцовым.

— У нас нет времени на исследование, — перебил Антон. — Нужно остановить вылет.

— А что мы скажем аэропорту?

— Что будет пожар правого двигателя.

— На каком основании?

— На том же, на каком я пришёл к квартире сорок семь.

Савин попросил пять минут. За это время Антон попытался изменить событие сам: рассказал пассажиру, что получил сообщение о технической неисправности, и убедил его не ехать. Будущая память отреагировала сразу. Мужчина исчез из салона, но самолёт по-прежнему падал. Значит, спасение одного человека не отменяло катастрофу.

Воронцов перезвонил через четыре минуты. Его голос был спокойным, однако на заднем плане слышались другие люди.

— Рейс выполняет авиакомпания, с которой у нашей группы есть контракт. Я могу задержать вылет на десять минут под предлогом проверки груза, но для полной отмены нужна причина.

— В правом двигателе что-то загорится после набора высоты.

— Что именно?

Антон снова посмотрел внутрь воспоминания. Он видел пламя, слышал хлопок, чувствовал запах горелой ткани, но не имел технических знаний, чтобы назвать деталь. Тогда он сосредоточился на моменте перед взлётом. Самолёт стоял у терминала, под правым крылом работал человек в оранжевом жилете. На тележке лежала металлическая панель, а возле колеса темнела лужа.

— Перед вылетом снимали панель. На земле под правым крылом будет жидкость, похожая на масло.

Воронцов передал слова кому-то рядом. Через минуту он сообщил, что борт задержан, но техник не обнаружил утечки. Память о падении не исчезла.

Антон позвонил Лере. Она находилась на съёмке в аэропорту: городская редакция готовила материал о возвращении старого международного маршрута. Совпадение показалось пугающе удобным, но времени анализировать его не было.

— Подойди к выходу на поле возле шестого сектора, — сказал Антон. — Найди человека в оранжевом жилете, который снимал панель с правого двигателя рейса 604.

— Откуда ты знаешь, что я здесь?

— Потом.

Лера не стала спорить. Через несколько минут она прислала фотографию техника и написала, что его фамилия Корнеев, а панель снимали из-за ложного сигнала датчика температуры. Антон посмотрел на снимок и вспомнил разговор, которого ещё не было: Корнеев скажет начальнику смены, что заменил разъём датчика на запасной, найденный в старой упаковке, потому что оригинальная деталь не пришла.

Воронцов передал информацию службе безопасности аэропорта. За семь минут до нового времени вылета техника нашли и допросили. Он признался, что использовал совместимый разъём без нужной маркировки. Самолёт сняли с рейса и отправили на повторную проверку.

В 13:20 специалисты обнаружили повреждение изоляции жгута проводов возле топливной магистрали. При вибрации после взлёта провод мог замкнуть, вызвать ложное открытие клапана и пожар. Авиакомпания заявит, что реальная опасность была минимальной, однако рейс отменит, а самолёт останется на земле три дня.

Будущая память исчезала медленно. Сначала огонь стал прозрачным, затем крики отдались, а поле вернулось в состояние земли, на которую никто не упал. Антон сидел в пустой комнате центра, куда его привёз Воронцов, и плакал без слёз, потому что тело ещё помнило гибель ста сорока трёх человек, хотя мир уже ничего о ней не знал.

— Это не должно стать публичным, — сказал Воронцов.

— Почему?

— Потому что завтра у дверей будут тысячи людей с фотографиями родственников, билетами, медицинскими диагнозами и датами операций. Государство потребует доступ. Компании предложат деньги. Рынки начнут реагировать на каждую вашу фразу. Вы перестанете быть человеком и станете источником, над которым все захотят установить контроль.

— А если следующий самолёт я увижу слишком поздно, потому что вы решили сохранить тайну?

Воронцов не ответил. Савин смотрел на запись активности мозга и, казалось, думал о другом.

— Что? — спросил Антон.

— Во время вашего воспоминания сигнал снова появился на аппаратуре, — сказал врач.

— На этот раз в нём было число.

— Какое?

— Сто сорок три.

Столько пассажиров и членов экипажа находилось на рейсе 604.

В комнате стало тихо. За стеной работал вентиляционный блок, на экране двигались зелёные линии, а на столе лежал посадочный талон человека, который уже никогда не узнает, что однажды погиб в памяти Антона.

— Значит, кто-то знал не только событие, — произнёс Антон. — Кто-то знал, что я его увижу.

Савин выключил монитор.

— Или именно поэтому вы его увидели.

• • •

Пассажиры рейса 604 провели в аэропорту почти десять часов. Им не объясняли причину отмены, выдавали воду, меняли время вылета и в конце расселили по гостиницам. Для них это был утомительный день, который быстро превратился в историю о плохой авиакомпании.

Антон помнил другую историю.

В ней мужчина из подрядной организации сидел у аварийного выхода и звонил жене, потому что в салоне появился дым. Девочка в третьем ряду держала игрушечную лошадь. Пожилая пара спорила, кому надеть единственную найденную кислородную маску. Эти люди никогда не узнают, что пережитый Антоном страх принадлежал им.

Через месяц Лера нашла нескольких пассажиров и предложила встретиться, не раскрывая причины. Они пришли в обычное кафе возле аэропорта, думая, что фотограф готовит материал об отменённых рейсах. Антон сидел за соседним столом и слушал.

Мужчина жаловался, что пропустил переговоры и потерял контракт. Девочка с лошадью, которую звали Соня, рассказывала, что гостиница была хорошая, зато самолёты теперь ей не нравятся. Пожилая пара смеялась над тем, как они ругались с представителем авиакомпании. Каждый видел лишь неудобство.

Антон ожидал почувствовать благодарность, но вместо неё пришло странное отчуждение. Он знал этих людей в минуту смерти, а они не знали его вообще. Их жизнь продолжилась без отметки о спасении, и в этом заключалась правильность вмешательства: событие исчезло настолько полно, что никто не обязан был помнить спасителя.

После встречи Соня подошла к Антону. Девочка заметила, что он смотрит на игрушечную лошадь.

— У вас такая была? — спросила она.

— Нет. Но я её где-то видел.

— Она летает со мной. Только в тот раз мы не полетели.

Соня протянула лошадь, чтобы Антон рассмотрел. На боку была синяя царапина, возникшая в памяти после удара о кресло. В настоящем царапины не существовало. Антон провёл пальцем по гладкому пластику и почувствовал облегчение.

— Береги её, — сказал он.

— Она сама кого хочешь сбережёт.

Вечером Антон попросил Леру удалить сделанные фотографии.

— Почему?

— Я не хочу превращать их в людей, которые должны мне жизнь.

Лера оставила один снимок: пустое табло вылетов, где напротив рейса 604 стояло слово «ОТМЕНЁН». Она распечатала его без подписи и положила в личный архив Антона.

— Иногда спасение выглядит именно так, — сказала она. — Не как герой, а как отсутствие события.

• • •

Через два дня после встречи с пассажирами рейса 604 Антон получил конверт без обратного адреса. Внутри лежала копия приказа об отстранении Корнеева и короткая записка: «Вы спасли самолёт, теперь спасите человека, которого назначили причиной».

Лера прочитала записку, положила её рядом с пустым табло на фотографии и спросила:

— Ты помнишь, кто отправил?

Антон закрыл глаза. В ближайшем будущем конверт существовал сразу в нескольких историях. В одной его передала жена техника, в другой молодой механик, работавший в ту смену, в третьей журналист, которому хотелось вывести пророка на публичный разговор. Ни одна версия не была достаточно ясной.

— Нет.

— Хорошо.

— Что в этом хорошего?

— Придётся разбираться, а не вспоминать.

Корнеев жил в общежитии возле аэропорта. Он открыл дверь не сразу, а когда увидел Антона, попытался закрыть её обратно. Лера удерживать не стала и просто сказала, что у них есть копия приказа. Через минуту дверь снова приоткрылась.

В комнате пахло сигаретами и растворимым кофе. На подоконнике стояли детали разобранного радиоприёмника, на стене висела фотография мужчины в лётной форме. Корнеев выглядел старше, чем на снимке из аэропорта: кожа вокруг глаз была серой, щетина отросла неровно, руки постоянно искали работу и то складывали бумаги, то поправляли чашки.

— Я поставил совместимый разъём, — сказал он, не предлагая гостям сесть. — По инструкции так нельзя. Этого им достаточно.

— Почему поставили? — спросила Лера.

— Потому что нужных не было третий месяц. Самолёт должен был уйти, начальник смены стоял над душой, а склад отвечал, что закупка согласуется. Мы так делали раньше. Все знали.

— Кто приказал?

— Никто не отдаёт такие приказы вслух. Просто в ведомости появляется подпись, а если откажешься, найдут человека, который понимает производственную необходимость.

Антон слушал и видел две будущие версии. В первой Корнеев соглашался стать единственным виновным, получал условный срок и после освобождения ремонтировал холодильники. В другой отдавал журналистам документы, начиналось расследование, авиакомпания теряла контракт, а через год на другом аэродроме происходила авария из-за сокращения технического персонала. Истина сама по себе не гарантировала лучшего исхода.

— У вас есть доказательства, что разъёмы использовали раньше? — спросил он.

Корнеев кивнул на старый телефон.

В памяти устройства сохранились фотографии трёх ремонтов, переписка смены и таблица отсутствующих деталей. Но самый важный документ находился в закрытой системе аэропорта. Получить его законно можно было только через комиссию, которая уже подготовила вывод о единичном нарушении.

— Воронцов достанет, — сказал Антон.

— И кому тогда будет принадлежать правда? — спросила Лера.

Она предложила другой путь. На фотографии, которую присылала Антону в день отмены рейса, за плечом Корнеева виднелась доска технических замечаний. Лера увеличила кадр; часть записей читалась, рядом стояли даты и номера бортов. Если найти оригинальные снимки с её съёмки, можно было восстановить несколько недель истории.

Они вернулись в редакцию, где Лера раньше выполняла задания. Ночной охранник впустил её по старому пропуску, хотя предупредил, что утром начальство устроит скандал. В архивной комнате гудели два компьютера, пахло пылью, пластиком и дешёвым освежителем воздуха. Лера перебирала сотни кадров: самолёты на рулёжной дорожке, лица пассажиров, ленточка у нового выхода, дети возле иллюминатора.

Антон пытался помочь, но память всё время предлагала готовый файл. Он точно знал, что нужное изображение было снято в 10:48, объективом с длинным фокусом, и находилось между фотографией стюардессы и кадром пустой тележки. Достаточно было назвать время.

— Не надо, — сказала Лера, заметив его взгляд.

— Мы можем сидеть до утра.

— Посидим.

— Человека уволят завтра.

— Если мы каждый раз будем пользоваться твоей памятью, когда обычная работа кажется слишком медленной, однажды обычной работы не останется.

Антон хотел возразить, но вместо этого продолжил открывать папки. Через полтора часа они нашли серию, сделанную другим фотографом неделю назад. На доске было записано: «Р-17 нет. Разрешена временная замена». Под фразой стояли инициалы руководителя службы.

Лера не улыбнулась и не сказала, что оказалась права. Она сразу скопировала оригиналы, связалась с юристом редакции и подготовила материал не о пророчестве, а о системе обслуживания. Имя Антона в тексте не упоминалось.

На рассвете они снова приехали к Корнееву. Техник долго смотрел на фотографии, затем сел на край кровати.

— Если опубликуете, аэропорт найдёт способ закрыть всё на ремонтников.

— Если не опубликуем, закроют на вас, — сказала Лера.

— А самолёты?

Этот вопрос изменил разговор. Корнеев боялся не только тюрьмы и увольнения. Он знал, что после скандала часть опытных механиков уйдёт, проверки замедлят работу, руководство начнёт скрывать ошибки ещё тщательнее. Он предложил передать документы комиссии при условии независимой технической проверки всех бортов.

Воронцов согласился оплатить экспертизу, но потребовал отложить публикацию на сорок восемь часов. Лера отказалась, потом уступила двенадцать. Они спорили в кабинете, где на стеклянном столе лежали снимки разлётов и фотографии пассажиров. Воронцов говорил о риске остановки аэропорта, Лера — о привычке влиятельных людей считать любую правду несвоевременной.

— Вы оба хотите управлять моментом, когда остальные узнают, — заметил Антон. — Разница только в том, что один помнит последствия, а другая умеет их показывать.

— А ты? — спросила Лера.

Антон посмотрел в будущее и увидел заголовки, увольнения, исправленные ведомости, самолёты, стоящие у терминала. Дальше ветви расходились слишком сильно.

— Я не буду выбирать дату публикации.

Они договорились о восемнадцати часах. Независимая группа успела опечатать склад и сохранить журналы, после чего редакция выпустила материал. Начальник службы лишился должности, несколько руководителей попали под следствие, Корнеева восстановили до решения комиссии. Он всё равно ушёл через два месяца, потому что больше не мог работать рядом с самолётами, звук которых напоминал о том, что могло произойти.

Перед отъездом Корнеев принёс Антону маленький металлический разлёт с оплавленным краем.

— Не тот самый, — объяснил он. — Такой же. Настоящий забрали эксперты.

— Зачем он мне?

— Чтобы вы помнили: катастрофы редко начинаются в небе. Обычно они начинаются в кабинете, где кто-то решил, что временно можно.

Антон положил деталь в коробку рядом с рисунком Алины и листом со словом «апельсин». Эти предметы не доказывали способность, но напоминали, что предотвращённое событие имеет длинную причину и ещё более длинные последствия.

Лера сделала для проекта «После» снимок пустого рабочего шкафчика Корнеева. На внутренней стороне дверцы остался круг от кружки и маленькая наклейка самолёта. Фотография была не о спасённом рейсе, а о человеке, которого спасение всё равно заставило уйти.

• • •

Комиссия по рейсу 604 вызвала Антона как свидетеля. Заседание проходило в аэропорту, в комнате с длинными окнами на взлётное поле. За стеклом двигались самолёты, и каждый их разворот вызывал в памяти короткие вспышки аварий, которые никогда не произойдут.

Председатель попросил объяснить источник точных сведений о повреждённом разлёте. Воронцов подготовил версию об анонимном сообщении, Лера советовала сказать только то, что Антон действительно видел. Но юридического языка для воспоминания о будущем не существовало.

— Информация возникла в моей памяти, — сказал Антон.

— Вы ранее видели документацию?

— Нет.

— Кто мог передать её вам?

— Человек, которого ещё нет. Или я сам из времени, которое не случилось.

Секретарь перестала печатать. Представитель службы безопасности спросил, понимает ли Антон ответственность за ложные показания.

Корнеев сидел в конце стола. От формулировки зависело, признают ли происшествие системным нарушением или результатом вмешательства неизвестного лица. Антон видел, как удобнее было бы комиссии объявить его источником, которого нельзя проверить: тогда закупки и приказы оставались вне расследования.

— Моё предупреждение не является причиной дефекта, — сказал он. — Проверяйте фотографии, журнал и детали. Если уберёте меня из истории, неисправность всё равно существовала.

Лера передала оригиналы снимков. Корнеев подтвердил подпись начальника смены. Разговор вернулся к обычным доказательствам, и Антон почувствовал облегчение. Быть свидетелем невозможного оказалось менее полезно, чем человеком, который вовремя указал на документы.

После заседания председатель догнал его у лифта.

— Неофициально, — произнёс он, — вы видите каждый рейс?

— Нет.

— А наш аэропорт безопасен?

Антон помнил пожар в складе через пять лет, столкновение техники на перроне и тысячи благополучных взлётов. Любой ответ был одновременно правдой и ложью.

— Он будет безопаснее, если вы не станете ждать моего следующего звонка.

Комиссия обязала провести аудит. Но через месяц руководство предложило «Атласу» постоянный доступ к планам рейсов. Система, созданная как исключение, начинала превращаться в обязательную часть проверки. Чем успешнее было предупреждение, тем меньше люди доверяли процедурам, которые однажды не заметили опасность.

Глава 10

Город, который слушает

История с рейсом не попала в новости, однако сохранить её полностью не удалось. Техник рассказал жене о странной проверке, жена написала сестре, а сестра работала администратором городского форума. Через три дня там появилась публикация о человеке, который якобы заранее сообщил номер самолёта и неисправность. Большинство комментаторов посчитало рассказ рекламой экстрасенса, но кто-то прикрепил фотографию Антона возле дома на улице Демьяна Бедного.

На снимке он стоял рядом с пожарной машиной, перевязав руку куском ткани. Лицо было видно плохо, зато под фотографией указали место работы. К обеду в диспетчерскую позвонили два журналиста, женщина, разыскивавшая пропавшего брата, и мужчина, который хотел узнать результат футбольного матча. Марина отвечала всем, что аварийная служба не занимается предсказаниями, но к концу смены перестала шутить.

— Лера была права, — сказала она. — Людям не нужен человек, который иногда видит опасность. Им нужен аппарат с кнопкой «узнать всё».

— Ты откуда знаешь, что говорила Лера?

— Она приходила утром и просила никому не давать твой номер. Мне нравится эта женщина, хотя у неё слишком внимательные глаза.

Антон хотел спросить, что ещё они обсуждали, но в памяти уже возник ответ и он заставил себя промолчать. Марина сама рассказала, что Лера собирает материал о людях, спасённых

после пожара, и хочет понять, кто передал фотографию. В этом объяснении была лишь часть правды: накануне Лера призналась Антону, что снимок сделал один из её коллег и отправил в редакцию без разрешения. Она чувствовала себя виноватой, хотя не могла контролировать чужое решение.

После публикации будущие воспоминания изменились. В некоторых версиях Антон становился известен уже через несколько дней: возле работы собиралась толпа, телеканалы показывали его старые фотографии, а люди спорили, святой он или мошенник. В других Воронцов успевал удалить публикацию и Антон ещё несколько месяцев сохранял обычную жизнь. Существовала версия, где его задерживали люди без формы, и версия, где он сам выходил к журналистам, уверенный, что открытость защитит его.

Каждая из них имела последствия, но Антон видел лишь отдельные фрагменты. Публичность помогала находить больше опасных событий, потому что к нему стекались имена и даты, однако одновременно создавала ложные воспоминания: сотни рассказов о возможных бедах смешивались с настоящими сигналами. Тайна сохраняла ясность способности, но оставляла людей без помощи. Воронцов предлагал третий путь — закрытую группу, которая будет проверять каждое воспоминание и вмешиваться незаметно.

— Вы называете это защитой, — сказала Лера на встрече в центре, — но на самом деле хотите первым получить доступ.

— Первый доступ лучше всеобщей паники, — ответил Воронцов.

— Для кого лучше?

— Для тех ста сорока трёх человек, которые не погибли в самолёте.

Лера посмотрела на отца с выражением, в котором Антон узнал давнюю усталость. Позднее она рассказала, что Воронцов всегда решал семейные проблемы так же, как деловые: собирал информацию, находил специалистов, назначал ответственного, а потом удивлялся, почему близкие не испытывают благодарности за идеально организованную жизнь.

Антон согласился на закрытую группу при одном условии: решения о вмешательстве не могут приниматься без него, а сведения о людях не будут использоваться для прибыли, политики или личной выгоды. Воронцов подписал документ слишком быстро, и это насторожило Савина.

— Он считает условия временными, — сказал врач. — Пока вы нужны добровольно, он будет уважать вашу волю. Если способность станет стратегически важной, появятся люди, для которых согласие покажется роскошью.

— Тогда зачем вы работаете с ним?

Савин снял очки и посмотрел на тёмное окно. В отражении его лицо казалось старше.

— Потому что пятнадцать лет назад моя жена умерла после операции, осложнение которой считалось почти невозможным. Если бы кто-то предупредил меня за час, я отдал бы всё, не спрашивая, кому будет принадлежать технология. Воронцов умеет находить людей в момент, когда у них есть такая цена.

В течение следующего месяца группа проверила двадцать семь воспоминаний Антона. Большинство касалось небольших происшествий: утечки газа, аварии автобуса, ребёнка, выбежавшего на дорогу. Три сигнала оказались ложными после раннего вмешательства, два невозможно было подтвердить, один привёл к эвакуации торгового центра, где действительно обнаружили самодельное взрывное устройство в камере хранения.

Каждое спасение добавляло Антону чужое прошлое, которого не было. Он помнил людей ранеными и здоровыми, здания разрушенными и целыми, разговоры благодарности и разговоры обвинения. Чтобы не путаться, он расширил журнал: присваивал версиям номера, отмечал исход, степень ясности и то, какие события изменились следом.

Лера иногда помогала ему описывать детали, потому что умела замечать то, что Антон считал неважным: цвет света, положение руки, вывеску в отражении. Их встречи становились

частью работы, но постепенно работа перестала быть единственной причиной. Они вместе ужинали, ходили в кино, однажды долго выбирали Мише новый телескоп. Антон несколько раз заранее знал, когда Лера возьмёт его за руку, однако первый поцелуй не видел ни в одной версии.

Он произошёл возле закрытого киоска под дождём, когда они спорили о том, можно ли считать случайностью сломанный автомат с кофе. Лера замолчала на середине фразы, коснулась его щеки и поцеловала, прежде чем Антон успел понять, что происходит.

Позже он признался, что не помнил этого заранее.

— Значит, у нас есть доказательство, — сказала она.

— Чего?

— Что будущее не успевает за всем.

Эту фразу Антон записал в блокнот отдельно от прогнозов.

• • •

После утечки фотографии возле диспетчерской появился мужчина в сером пальто. Он приходил утром, покупал кофе в киоске и садился в машину с затемнёнными стёклами. Марина заметила его первой и решила, что это журналист, слишком ленивый, чтобы задавать вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.